

найдена база (Altertümer von Pergamon, Inschr. № 199). На ней вырезано: **ΗΡΟΔΟ-
ΤΟ|ΑΛΙΚΑΡΝΑΣ...**

Совершенно ясно, что в Пергамской библиотеке сохранялся не один экземпляр труда Геродота. Было бы странно, если бы на портретном бюсте историка был обозначен иной этникон, чем тот, которым он сам себя называл.

Геродот не мог называть себя фурийцем в своем труде также и по той причине, что симпатии к родному городу он сохранял всю свою жизнь: это нашло отражение в его труде¹⁹. Что же касается его отношения к колонии, одним из основателей которой он был, то оно не поддается определению по той причине, что он о ней просто не упоминает. Для этого могли быть следующие основания: как известно, труд Геродота написан с проафинских позиций и участие Геродота в основании Фурий, которые по замыслу Перикла должны были стать форпостом афинского влияния на Западе, также свидетельствует об этом. Но вскоре после основания колонии там началась ожесточенная борьба, и сторонники Афин потерпели поражение (Thuc., VII, 33). Мог ли Геродот, писавший свой труд уже тогда, когда началась Пелопоннесская война, выбрать себе этникон «фуриец»? Нам кажется, что это должно быть исключено. Характерно, что он даже не упоминает о Фуриях, хотя и знает местность, где расположена эта колония.

Мы приходим к выводу, что этникон «фуриец» был просто укрепившимся за Геродотом прозвищем, утвердившимся в афинской литературной традиции и отсюда перешедшим в эллинистическую и римскую. Но в употреблении его не было единства у античных писателей. Ни один из них не сообщает нам о таких экземплярах труда Геродота, где бы вместо слов «Геродота галикарнасца» стояли бы слова «Геродота фурийца».

В. Г. Борухович

HERODOTUS — HALICARNASSIAN OR THURIAN?

by V. G. Borukhovich

In the opening words of his History, according to all the manuscripts, Herodotus calls himself a Halicarnassian. There is, however, an opinion, which has some basis in ancient tradition, that in the original version he called himself a Thurian. The most complete documentation of this view was presented by Jacoby («Herodotos», RE Suppl. II, 1913, 205 ff.). Among Jacoby's followers Legrand even corrects his text of Herodotus to suit this hypothesis. Yet careful examination of the evidence cited by Jacoby tells against the hypothesis. In the author's opinion the most important testimony, the citation by Aristotle in Rhet. III, 9, 2, should be regarded as a misquotation (the word order is changed and is given the Attic spelling). Aristotle, quoting from memory, calls Herodotus by the city he was generally known by (Strabo, XIV, 2, 16). In the author's view Plutarch's words in de Her. mal. 35 confirm that Herodotus called himself a Halicarnassian. He could not have called himself a Thurian because his whole History is written, as everyone agrees, from a pro-Athenian position, and when he was writing it (at the beginning of the Peloponnesian War) Thuri was hostile to Athens. It is significant that Thuri is nowhere mentioned by Herodotus, though his narrative shows that he was well acquainted with the place where it was founded and that he followed political events in the Greek cities of southern Italy. In the days of Herodotus such silence was a sign of extreme hostility. It would be strange indeed if Herodotus, having participated in the founding of Thuri (the artificial character of which foundation contributed to the marked instability of its political life) were to have immediately decided to call himself a Thurian — and that in a work which was his whole life's concern.

¹⁹ См. Я с о б у, ук. соч., стб. 212; Л у р ь е, Геродот, стр. 10 слл.

К ДАТИРОВКЕ И ЧТЕНИЮ БЕРЕЗАНСКОГО ПИСЬМА АХИЛЛОДОРА*

В 1971 г. Ю. Г. Виноградов опубликовал чрезвычайно интересный эпиграфический памятник — найденное им на Березани письмо, написанное на свинцовой пластинке неким Ахиллодором¹. Рассмотрим вкратце содержание публикации.

На стр. 74 и частью 77 кратко описываются обстоятельства нахождения письма. Заключение издателя о том, что «археологический контекст находки ясен целиком и полностью — письмо попало с другим мусором в яму» (стр. 74), а найденный неподалеку черепок родосской амфоры «не может происходить ниоткуда, кроме той же ямы, в которую попало и письмо» (стр. 77) представляется излишне категоричным.

На стр. 75—76 помещены описание свинцового свитка и текст надписи. Далее кратко рассматривается вопрос о ее датировке, в рассмотрении которого «решающим аргументом... служит археологический контекст» (стр. 77). Очевидно, однако, что, когда археологический контекст, сопровождавший случайную находку, неясен, он не может быть решающим аргументом в определении ее времени. В таких условиях единственно прочным критерием датировки может быть шрифт письма. Вопрос о шрифте также затронут в публикации, но кратко: дано лишь суммарное описание некоторых букв и ссылка на некоторые аналогии (стр. 76—77). Недостаточно полное рассмотрение шрифта надписи и послужило одной из причин ее неоправданно завышенной, на мой взгляд, датировки.

На стр. 78—79 рассматривается вопрос об узусе писем на свинцовых пластинках в греческом мире. Стр. 80—82 содержат фонетико-морфологический очерк языка надписи. Суть вопроса, однако, заключается не столько в перечислении давно и хорошо известных лингвистических фактов, свойственных как ионийскому диалекту в целом, так и данной надписи, сколько в том, чтобы показать особенности ее языка в кругу других позднеархаических памятников этого диалекта. Кроме того, ряд фонетико-морфологических особенностей письма Ахиллодора обладает датировочными признаками и этот аспект также нуждается в более подробном исследовании. Отдельные существенные моменты, как, например, вопрос о времени написания дифтонга *eo* через *eo*, коль уж они затронуты, желательно было бы разобрать для большей ясности во всей полноте.

Далее, на стр. 82—85, рассматривается вопрос о преамбуле греческих писем. Наконец, со стр. 86 непосредственно исследуется содержание надписи. Проведенный издателем лексический анализ письма представляет собой наиболее интересный раздел публикации. К числу достаточно убедительных моментов его интерпретации относится понимание слова *δολδαί* в смысле «обманывает» (стк. 2), трактовка уникального термина *φορτηγέσιος* в качестве личного существительного (стк. 3), субституция лиц при выражениях от третьего лица *φησί, αὐτόν* (стк. 4), *ὁ* (стк. 6), наконец, дополнение имени *Ἀνα(ξ)αγόρης* в стк. 5. Вместе с тем я не могу согласиться с предложенным издателем членением фразы в сткк. 7—10, приведшим к перестановке слов подлинника: не увязывавшееся с принятой им пунктуацией *ὅς τί* в стк. 9 было изменено на *τί δέ*, а обычное словосочетание подлинника было решительно объявлено «синтаксической неувязкой» (стр. 87), «синтаксической погрешностью» (стр. 91, примечание 39) и, наконец, «стилистически корявой» (там же). Текст в стк. 12 тоже подвергся исправлению, также излишнему, как впоследствии признал издатель.

Интерпретация содержания надписи представляется спорной (Фортегесий как вольноотпущенник, этническая принадлежность имени Матасий и др.) или не соответ-

* Вопросам интерпретации содержания письма автор посвящает другую статью, которая вкупе с нижеследующей составляет одно исследование, окончательно завершенное в феврале 1973 г. Автор чрезвычайно признателен Л. В. Копейкиной за консультацию археологического порядка по поводу места нахождения письма.

¹ Ю. Г. Виноградов, Древнейшее греческое письмо с острова Березань, ВДИ, 1971, № 4, стр. 74—99.

ствующей реальиам и контексту письма (характеристика Матасия как варвара, форма его зависимости от Анаксагора, минимость противоречия между словоупотреблением контекста и предположением о долгом характере этой зависимости, наконец, вероятное отсутствие у Матасия вообще гражданских прав). Это, на мой взгляд, объясняется тем, что памятник исследовался как «вещь в себе», в отрыве от исторических условий времени, когда он был создан. Но можно ли достичь правильной интерпретации исторического содержания документа, не касаясь социально-политических и юридических реалий соответствующего времени? Несколько ссылок на Демосфеновский корпус, отражающий иную эпоху, — вот практически и все приведенные в публикации параллели исторического характера к содержанию исследуемой надписи. Между тем, всякий вывод социально-политического или юридического характера должен быть проанализирован прежде всего с точки зрения его соответствия реальным условиям позднеархаического времени, насколько это возможно.

В нижеследующей статье рассматриваются вопросы датировки и чтения текста письма. Вопросы интерпретации его содержания, как указывалось, станут предметом другой статьи.

1. Датировка письма

Этот важный вопрос может быть решен посредством комплексного исследования археологического контекста, шрифта, графических и диалектных особенностей письма. Предложенная издателем дата — вторая половина VI в. до н. э. — представляет несколько завышенной.

Свинцовый свиток был найден на юго-восточном берегу Березани, в том ее месте, где культурный слой очень невыразителен и хронологическому определению не поддается, поскольку практически не раскапывался. Как полагает издатель, свиток находился не в самом слое, а в яме, обвалившейся в результате разрушения берега, причем на месте этой ямы под действием дождевых вод образовалась небольшая ложина, спускающаяся «вниз на несколько метров. Поэтому при ее исследовании выяснилось, что слой, ее заполнявший, целиком исчез. Тем не менее в этой ложине в непосредственной близости от места залегания свитка еще до шурфовки был обнаружен фрагмент расписного сосуда», датруемый VI в. (стр. 74—77). Как уже говорилось, по мнению автора, письмо попало вместе с мусором в яму, где находился и фрагмент родосской амфоры. По этому фрагменту Ю. Г. Виноградов датирует письмо «второй половиной VI в., самое позднее концом этого столетия» (стр. 77).

Однако следует отметить, что такое заключение страдает известной противоречивостью: нижняя граница родосских амфор того типа, к которому принадлежит и указанный фрагмент горловины, относится к середине VI в., самое позднее — к 530-м гг. Следовательно, если полагать, что этот черепок и свиток находились в закрытом комплексе — яме, то правомерно датировать последний серединой VI в. Однако шрифт надписи противоречит столь ранней дате. Следовательно, фрагмент амфоры и свиток не связаны хронологическими границами закрытого комплекса.

С другой стороны, те фактические данные об условиях залегания свитка, которые не были приведены в публикации, могут определенно свидетельствовать против предположения о наличии в данном месте ямы. Открытый шурфом в этом месте невыразительный культурный слой мощностью около 0,5 м залегает примерно на такой же глубине от современной дневной поверхности, а черепок и свиток были найдены в склоне берега на расстоянии примерно 1—1,5 м от нее, т. е. на 0—0,5 м ниже указанного культурного слоя. Таким образом, и черепок, и свиток должны были бы находиться в устье или по крайней мере в верхней половине предполагаемой ямы, в тех ее частях, которые в первую очередь подверглись бы разрушению сточными водами. Если же яма оказалась размытой до дна, то каким образом смогли сохраниться и «удержать дистанцию» оба эти предмета? Кстати, разрушение находящихся неподалеку в срезе берега ям происходит в вертикальном сечении. Думается, что приведенных соображений достаточно для заключения о том, что предположение о яме лишено оснований.

Скорее всего свиток находился в упомянутом слое или в непосредственной близости от него. Он мог сползти по склону лоштинки несколько ниже места своего первоначального залегания и оказаться в случайном соседстве с черепком родосской амфоры (оба предмета были найдены не в грунте, а на поверхности склона, т. е. могли двигаться независимо друг от друга). Фрагментов же родосских амфор на Березани множество, они составляют массовый материал в различных, в том числе и средневековых, слоях острова, так как поверхность его во многих местах подверглась сильному разрушению. Как бы там ни было, единственное заключение, которое можно сделать наверняка, состоит в том, что оба предмета были найдены не *in situ*. Поскольку район, прилегающий к месту находки письма, археологически неясен, поскольку ни в коей мере не может быть исключена вероятность случайного попадания свитка в этот район, приходится с сожалением констатировать, что археологические данные не предоставляют надежной опоры для датировки письма². В этих условиях, как уже говорилось, единственным прочным критерием для датировки надписи является ее шрифт.

Шрифт надписи в целом по предварительному заключению содержит формы, относящиеся ко второй половине VI — первой половине V в.³ Важно отметить, что весь репертуар буквенных форм исследуемого письма встречается в ольвийских и березанских граффити соответствующего периода (см. рис. 1 и 2)⁴.

Обращают на себя внимание особенности начертания следующих букв. *Βατα* адреса имеет ближайшую аналогию в надписи на надгробной стеле раннего V в. из Ольвии (IOSPE, I², № 213) и граффито того же времени (Толстой, ук. соч., стр. 33).

Επισιον с горизонтальными усиками, стоящими перпендикулярно или под разными углами к вертикальной гаче (стк. 1 — ἀδελῆτατ, 10 — λῆγην и др.), входит в употребление в Греции с середины VI в., а в Ольвии — с последней трети VI в.⁵

² Не служит твердой опорой для датировки надписи и предположение Ю. Г. Виноградова о том, что данного места достигали границы только поселения VI в., в дальнейшем сильно сократившиеся. Во-первых, оба современных исследователя Березанского поселения склонны относить время его наибольшего расширения к V в. (В. В. Л а н и н. Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 108—109, 121; о н же, Ольвия. Хора. «Археология Украинской ССР», т. 2, Киев, 1971, стр. 307, на укр. яз.) или VI и V вв. (К. С. Г о р б у н о в а, Древние греки на острове Березань, Л., 1969, стр. 4—5, 15—17). Раскопками 1946 г. неподалеку от места нахождения письма были вскрыты остатки вымостки, относящейся по крайней мере к первой половине V в. до н. э. (М. Ф. Б о л т е н к о, Раскопки на острове Березани в 1946 г., «Археологические памятники УССР», 2, 1949, стр. 33, на укр. яз.). Таким образом, еще в первой половине V в. этот район острова входил в территорию березанского поселения, составляя, видимо, его периферию. Во-вторых, свиток был явно утерян — свинцом греки всегда дорожили (ср. P s.- A g i s t., Оес. II, 2, 36), так что, учитывая небольшие размеры Березани, можно предположить, что он случайно попал в ту часть острова, где был найден.

³ На это же время указывает издатель (стр. 76).

⁴ Представленные в письме формы характерных букв (взяты в целом без дифференциации формальных разновидностей тех или иных отдельных букв, о чем см. ниже) встречаются в следующих ольвийских и березанских граффити (ссылки указывают на страницу книги И. И. Толстого «Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья», М.—Л., 1953; по поводу датировки граффити на стр. 10 и 13 см. ниже, прим. 13): *αλφα*—20 (конец VI — начало V в.), 55 (V в., Березань); *επισιον*—10, 13 (последняя треть VI в.); 8, 15, 24, 33, 35 (V в.); *λμβδα*—18, 22, 34 (V в.); *μιο*—10 (последняя треть VI в.), 54 (VI в., Березань) 17, 18, 24, 33 (V в.); *νιο*—13 (последняя треть VI в.), 55 (V в., Березань), 17, 22, 23 (V в.); *ιψιλον*—13 (последняя треть VI в.), 55 (V в., Березань), 17, 18 (V в.). Близкие формы *αλφς*, *δελφς*, *επισιона*, *λμβδς*, *μιο*, *νιο*, *ιψιлона*, *φς* содержатся в опубликованных Е. И. Леви граффити конца VI — начала V в. (сб. «Ольвия», М.—Л., 1964, стр. 141—149). Ср. также формы *επισιона*, *λμβδς*, *μιο*, *νιο*, *ρο*, *ομεγι* в надписях Ольвии и ее региона, относящихся, на мой взгляд, к первой трети V в. (IOSPE, I², № 212, 215, 270, 287; стелы № 212, 213, 215 вместе с Ватцингером отношу к раннему V в.).

⁵ «Ольвия», стр. 149 (520-е гг.), стр. 142 (конец VI — начало V в.), IOSPE, I², № 212 (начало V в.); Л. Н. J e f f e r y, The Local Scripts of Archaic Greece, Oxf., 1961, стр. 325 (сравнение форм букв проводится со шрифтом надписей ионийского Додекаполиса, в первую очередь Милета; следует отметить, что Л. Джеффри учиты-

Наряду с архаической формой *μιο* (с расползающимися, удлиненными левой или правой гастами, как в сткк. 2, 7 в имени Матасий и т. д.) в письме наблюдается и форма с равными крайними гастами, стоящими почти вертикально в некоторых случаях, причем место пересечения средних палочек находится в разных буквах на различных уровнях (стк. 2 — *μιγ*, 11 — *μητῆρα* и др.). Такая форма также характерна для рубежа VI—V вв.⁶

В письме употребляются и две формы *νιο*: с наклонными гастами (архаический тип, встречающийся, впрочем, и в IV в.; сткк. 3, 5 в имени Анаксагор и т. д.) и почти прямыми, причем правая гаста, расположена выше левой (стк. 3 — *ἡπεστέρην*, 4 — *αὐτόν* и т. д.; ср. обе разновидности, стоящие почти рядом в стк. 7 — *φῆσιν ἔναϊ*). Второй тип входит в употребление с последней трети VI в.⁷

Πι с почти одинаковой длины вертикальными гастами (сткк. 12, 13) наблюдается в Ольвии в V в. (Толстой, ук. соч., стр. 22).

В письме имеют место две формы *ιψилона* — V и Y, причем второй тип встречается с последней трети VI в.⁸

С этого же времени наблюдается и *φι* с уплощенным кружочком, целиком преобладающая в данном письме⁹.

Отмеченные особенности указывают, что письмо отражает переходный период развития понийского шрифта, приходящийся на конец VI — начало V в., когда архаические формы сосуществовали с инновациями, получившими преобладание в последующее время. Наиболее показательно в этом смысле сходство шрифта письма и граффити конца VI — начала V в., опубликованных Е. И. Леви в указанном сборнике «Ольвия», а также ольвийских надгробных стел раннего V в. (IOSPE, I², №№ 212, 213, 215).

Тот же самый шрифт переходного типа присутствует и в новонайденном посвящении Афродите из Кеп, датированном издателем по форме сосуда и характеру лака концом VI в.¹⁰ Тем же самым шрифтом выполнена надпись на бронзовом зеркале из Ольвии, правильно датированном издателем по форме букв рубежом VI—V вв.¹¹

Близки шрифту письма Ахиллодора также формы ряда букв из селинунтского заклития на свинцовой пластинке, датированного Л. Джефферс второй четвертью V в.¹² Поскольку формы букв этой надписи более близки архаическим типам, думается, что его следовало бы отнести к первой трети V в.

Все эти данные показывают, что шрифт надписи определенно относится к концу VI — началу V в.¹³

вает и формы, представленные в граффити). Автор письма вырезывал эти усики в самых различных наклонах к вертикальной гасте. См. Т о л с т о й, ук. соч., стр. 10, 13 (последняя треть VI в.), 8, 15, 24, 33, 35 (V в.).

⁶ «Ольвия», стр. 142 (конец VI — начало V в.); IOSPE, I², № 212 (начало V в.); J e f f e r s, ук. соч., стр. 325. Первый тип — Т о л с т о й, ук. соч., стр. 10 (№ 5, VI в.), 54 (VI в., Березань), 10 (последняя треть VI в.), 17, 18, 33 (V в.), второй тип — стр. 24 (V в.).

⁷ «Ольвия», стр. 149 (520-е гг.), стр. 142 (конец VI — начало V в.); J e f f e r s, ук. соч., стр. 325. Первый тип — Т о л с т о й, ук. соч., стр. 13 (последняя треть VI в.), 17 (V в.); второй тип — 17, 22 (V в.), 55 (V в., Березань).

⁸ J e f f e r s, ук. соч., стр. 325. Первый тип — «Ольвия» стр. 149 (520-е гг.), стр. 143 (конец VI — начало V в.), Т о л с т о й, ук. соч., стр. 18 (V в.); второй тип — Т о л с т о й, ук. соч., стр. 13 (последняя треть VI в.), 17 (V в.), 55 (V в., Березань).

⁹ «Ольвия», стр. 142 (конец VI — начало V в.); J e f f e r s, ук. соч., стр. 325.

¹⁰ Н. И. С о к о л ь с к и й, Культ Афродиты в Кепях конца VI—V в. до н. э., ВДИ, 1973, № 4, стр. 88 сл.

¹¹ Н. П. Р о з а н о в а, Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии, сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 248—251. Издатель не вполне правильно интерпретировала конец надписи, о чем я выскажусь в другой работе.

¹² См. фото — ВСН, 96, 1972, стр. 376.

¹³ Ср. типичные формы начала и середины VI в. для *εψилона* и *μιο* в ольвийском и березанском граффити (Ю. Г. В и н о г р а д о в, Из истории архаической Ольвии, СА, 1971, № 2, стр. 234; Т о л с т о й, ук. соч., стр. 54). Переходная форма *εψилона* — Т о л с т о й, ук. соч., стр. 20 (вторая половина VI в., Ольвия). Граффито, приведенное у Толстого на стр. 13 и датированное им (точнее, А. А. Передольской, стр. 5—6) VI в.,

Нижняя граница датировки письма определяется реминисценцией бустрофедонного стиля, имеющей место в стк. 4 — последние три буквы имени Анаксагор перенесены с 3-й на 4-ю строку ретроградным способом. Этот факт сам по себе указывает, что письмо составлялось в то время, когда бустрофедон исчез из широкого употребления и бытовали изредка встречающиеся реминисценции этого стиля. В ионийских надписях бустрофедон выходит из массового употребления во второй половине VI в., однако отдельные примеры его употребления имеются и в надписях раннего V в., в частности в Милете¹⁴. В Ольвии этот стиль бытует в памятниках последней трети VI в.¹⁵

Определение даты письма по этой особенности, на мой взгляд, следует связывать с другим отличительным признаком — элементами стойхедона. Первые четыре вертикальных ряда букв слева (до 10—11-й строк) в письме выполнены в этой манере. Далее четвертого ряда резчик не выдерживал строгие ряды вертикальных колонок, чему, очевидно, препятствовали скорописные приемы и стремление избежать переноса слов. В ионийских надписях имеются примеры применения стойхедона примерно с последней трети VI в. В Милете первые образцы, выполненные одновременно в стиле стойхедон и бустрофедон, относятся примерно к последней трети VI и началу V в.¹⁶ Наиболее ранним примером неполного стойхедона в Ольвии является граффито (Толстой, ук. соч., стр. 13), относящееся, как указывалось, к последней трети VI в.¹⁷ Надпись на упоминавшемся уже ольвийском амулете (там же, стр. 10), датруемая этим же временем, также выполнена бустрофедоном и со слабыми элементами стойхедона¹⁸. В лапидарных памятниках Ольвии стойхедон прочно утверждается с се-

также отражает переходный период: поскольку оно выполнено в манере бустрофедон и частичный стойхедон одновременно, его следует датировать последней третью VI в. (см. прим. 17). Граффито, приведенное на стр. 10 и датированное V в., на мой взгляд, также относится к этому времени, поскольку оно выполнено бустрофедоном и содержит архаичные формы *мю* и *сигмы* (см. прим. 18). Верхняя граница этих граффити определяется более развитыми, нежели типично архаичскими, формами *эпсилона*.

Интересно сопоставление шрифта письма с милетскими граффити из теменоса Аполлона в Навкратисе. Опубликовавший их впервые Е. А. Гарднер полагал, что они почти целиком принадлежат ко времени около 650—520 гг. и позволяют воссоздать картину развития ионийского шрифта (Naukratis, ч. I, L., 1886, стр. 54). Он выделил 11 серий милетских надписей (стр. 56); IX—XI серии содержат формы букв, близкие шрифту письма Ахиллодора. В IX серии это *альфа*, *дельта*, *эпсилон*, *лямбда*, *ню*, *пи*, *ро*, *сигма*, *ипсилон*, *омега* и, вероятно, *кси*. В X серии — *альфа*, *эпсилон*, *каппа*, *лямбда*, *мю*, *ню*, *пи*, *сигма*, *омега*. В XI серии — *альфа*, *гамма*, *эпсилон*, *каппа*, *лямбда*, *мю*, *пи*, *сигма* (см. табл. 35). По поводу датировки этих серий Гарднер отмечал, что V—XI серии могут быть поздней даты, а XI серия — определенно поздняя (стр. 58). Нижней границей он полагал 520 г., около времени завоевания Египта Камбисой. Отмечу вместе с тем, что и в этих граффити нашли отражение переходные формы: IX—XI серии содержат знаки как архаичские по типу, так и характерные уже для V в. — ср., например, три формы *альфы*, *эпсилона*, *лямбды*, *мю*, две *ню* и *пи*, что определенно указывает на принадлежность этих серий к позднему VI в. Вместе с тем в письме Ахиллодора содержатся некоторые более развитые формы букв: *ипсилон* с хвостиком, *фи* с уплощенным кружком и вертикальной чертой, выходящей из пределов круга (в милетских граффити Навкратиса *ипсилон* имеет вид перевернутой *лямбды* с равными гасками, а в *фи* вертикальная черта не выходит за пределы круга). Такие формы указывают на более позднее время шрифта письма Ахиллодора по сравнению с определенно более ранними формами букв в навкратийских надписях IX—XI серий.

¹⁴ Jeffery, ук. соч., стр. 326, 329, 335—336, 377.

¹⁵ Толстой, ук. соч., стр. 10, 13 (последняя треть VI в.). Можно упомянуть еще стелу из Пантикапея с так называемым «ложным бустрофедоном», датруемую V в.; Л. Джеффри находит возможным отнести ее даже ко второй половине этого столетия (КБН, № 114; Jeffery, ук. соч., стр. 368).

¹⁶ Jeffery, ук. соч., стр. 329—330, 335—336, 338—339, табл. 64, 34.

¹⁷ См. прим. 13. Надпись состоит из двух слов; первые три буквы второго слова, читающегося справа налево, прочерчены под тремя последними буквами первого.

¹⁸ На этом амулете имеются две надписи: основная, выполненная более крупным шрифтом, содержит следующий текст — $\mu\epsilon\iota\ \tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\ \leftarrow$; ретроградно вырезанные буквы помещены не строго вертикально под тремя последними буквами верхнего ряда, а с легким, постепенно увеличивающимся в движении справа налево отступом. Таким

редины V в., но входит в употребление несколько ранее (IOSPE, I², № 208)¹⁹.

Приведенные данные о графических особенностях письма и ряда других надписей Ольвии согласуются с датировкой его шрифта концом VI — началом V в. При этом следует отметить, что в обоих указанных выше граффити последней трети VI в. (Толстой, ук. соч., стр. 10, 13) встречается более архаичная, нежели в письме, вытянутая форма *сигмы*, что определенно свидетельствует о сравнительно позднем происхождении новонайденной эпистолы.

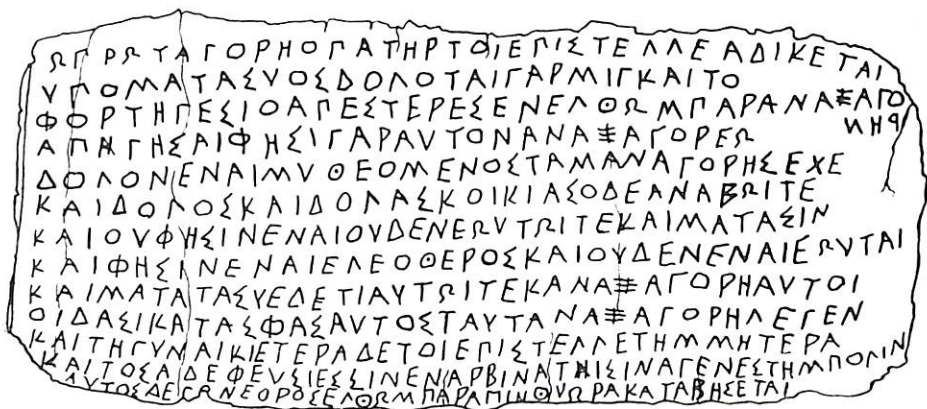

Рис. 1. Прорись текста письма на свнице (по Ю. Г. Виноградову)

ΑΧ/ΛΛΟΔΡΟΤΟΜΟΛΙ
ΒΔΙΟΝΠΑΡΑΤΟΜΠΑΙΔΑ
ΚΑΛΑ#ΑΓΟΡΗΝ

Рис. 2. Прорись адреса (по Ю. Г. Виноградову)

Определенный свет на датировку письма проливает также анализ его фонетико-морфологических особенностей. Большая часть диалектных фактов, выраженных графически, характерна для ионийских надписей как VI, так и V в. К их числу относятся:

ε = ει (в различных позициях: ἐπιστέλλε, ἔδικεται, стк. 1 и др.).

ἴα: (употребляется в надписях наряду с εἴνα).

ο = ου (в различных позициях: τὸ, стк. 2, ὁδου, стк. 5 и т. д.).

εο неслитное (μυθεόμενος, стк. 5)²⁰.

Инфинитив на -εν (λέγειν, стк. 10)²¹.

Dat. sg. с подписной *иотой* или без нее (τῇ, стк. 11, ἐοῦτῳ, стк. 7 и др.)²².

образом, надпись выполнена, строго говоря, в манере, приближающейся к стойхедону. Смысл надписи неясен; от предпоследней буквы верхнего ряда сохранилась дужка, что указывает на остатки *омикрона*, *омеги* или *тэты*.

¹⁹ Ср. Т. Н. Кипович, Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии, НЭ, V, 1966, стр. 18—19.

²⁰ A. Thumb, A. Scherer, Handbuch der griechischen Dialekte, т. 2, Heidelberg, 1959, стр. 258; C. D. Buck, The Greek Dialects, Chicago, 1968, стр. 40. Слитное εο встречается в ионийских надписях с IV в., тогда как в ряде дорийских — с VI в. (см. прим. 41 и 42).

²¹ Jeffery, ук. соч., стр. 402, № 9 (Эретрия, VI в.), стр. 414, № 27 (Милет, VI в.).

²² E. Schwyzer, Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora, Hildesheim, 1960, № 725.7 (Милет, конец VI в.); Thumb, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 254.

Ассимиляция ν : перед гортанным глухим ($\mu\gamma$ $\kappa\alpha\iota$, стк. 2)²³; перед носовым ($\tau\gamma\mu$ $\mu\eta\tau\epsilon\rho\chi$, стк. 11)²⁴; перед губным глухим ($\epsilon\lambda\theta\omega\mu$ $\pi\alpha\rho$, стк. 3, а также сткк. 12—13, стк. 2 адреса)²⁵.

Особо следует остановиться на своеобразном фонетическом процессе — переходе $\epsilon\upsilon$ в $\epsilon\iota$, нашедшем графическое выражение в написании $\epsilon\iota$ вместо $\epsilon\upsilon$ ($\epsilon\iota\lambda\epsilon\iota\theta\epsilon\rho\varsigma$, стк. 8, $\Gamma\omicron\upsilon\epsilon\theta\epsilon\rho\varsigma$, стк. 13, см. стр. 148). Этот переход приобретает массовый характер лишь с IV в.²⁶ В V в. зафиксировано два-три примера при безраздельном господстве написания $\epsilon\upsilon$.²⁷ Наконец, имеется еще один случай — имя $\epsilon\iota\theta\epsilon\rho\alpha\varsigma[\eta\varsigma]$, засвидетельствованное в милетской надписи, как считали, конца VI в., которое и дало основание А. Шереру (а ранее У. Виламовицу) возвести переход $\epsilon\upsilon$ в $\epsilon\iota$ к VI в.²⁸ Однако этот случай сомнителен: Л. Джеффри, например, восстанавливает здесь другое имя — $[\Lambda]\epsilon\theta\epsilon\rho\alpha\varsigma[\dots]$ (начало надписи не сохранилось) и датирует ее началом V в.²⁹ Кроме того, в этой же надписи имеется дифтонг $\epsilon\upsilon\text{-}\pi\rho\omicron\tau[\alpha]\nu\epsilon\theta\omicron\upsilon\tau\epsilon\varsigma$. Таким образом, указанная милетская надпись не может служить надежным критерием для возведения перехода $\epsilon\upsilon$ в $\epsilon\iota$ к VI в.³⁰

Однако есть еще один интересный документ, не рассматривавшийся в указанном аспекте, — милетские списки мольнов-эсимнетов, составлявшиеся в эллинистическую и римскую эпохи, но переписывавшиеся с более ранних документов. В первом хронологическом списке, который датируется второй половиной IV в. и содержит имена и патронимики эсимнетов с 525 г. и до конца IV в., дифтонг $\epsilon\upsilon$ почти полностью выражен через $\epsilon\iota$ ³¹. Хронологическое распределение имен и патронимиков с этой особенностью в целом отражает вышеизложенную картину: $\epsilon\iota\alpha\chi\acute{\alpha}\rho\epsilon\omega$ (522 г.), $\epsilon\iota\theta\rho\upsilon\pi\acute{\alpha}\lambda\omicron$ (449 г.), $\Phi\omicron\upsilon\lambda\epsilon\omega\varsigma$ (вместо $\Phi\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$, 411 г.), $\epsilon\iota\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ (437 г.); $\Pi\epsilon\delta\iota\epsilon\acute{\omega}\varsigma$ (вместо $\Pi\epsilon\delta\iota\epsilon\acute{\omega}\varsigma$, 432 г.), $\epsilon\iota\alpha\chi\acute{\alpha}\rho\epsilon\omega$ (430 г.); в последующие годы переход $\epsilon\upsilon$ в $\epsilon\iota$ представлен во многих именах, т. е. это явление приобретает массовый характер. Но в 322 г. дифтонг $\epsilon\upsilon$ снова возвращается ($\epsilon\iota\alpha\chi\delta\rho\iota\delta\epsilon\omega$), хотя написание $\epsilon\iota$ еще сохраняется ($\epsilon\iota\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, 319 г.). Таким образом, с конца IV в. вновь устанавливается написание $\epsilon\upsilon$, обязанное койне, и $\epsilon\iota$ утрачивает свои позиции.

Поскольку список эсимнетов в целом отражает картину распространения написания $\epsilon\iota$ вместо $\epsilon\upsilon$, известную из других источников, можно быть уверенным в аутентичности представленного в первом списке написания соответствующему хронологическому отрезку (последняя четверть VI — конец IV вв.)³². На мой взгляд,

²³ Jeffery, ук. соч., стр. 416, № 50 (Сидена на Пропонтиде, последняя четверть VI в.). Голстой, ук. соч., стр. 71 (Нимфей, VI в.).

²⁴ Это единственный известный мне случай ассимиляции подобного рода для ранних ионийских надписей, в которых $\nu\iota\omicron$ перед другими губными то сохранялось, то изменялось; P. G ä r t c h e n, O. H o f f m a n n, Die Sprache der ionischen Inschriften, «Sammlung der Griechischen Dialekt-Inschriften», т. 4, вып. 4, ч. 2, Göttingen, 1914, стр. 924. Также S c h w y z e r, № 777, A. 2 (Фасос, 490—480 гг.). Ср. широкое распространение подобной ассимиляции в протогеносском декрете (IOSPE, I², № 32).

²⁵ Ср. Jeffery, ук. соч., стр. 414, № 41 (Хиос, VI в.). Ассимиляция $\nu\iota\omicron$ в языке письма носит факультативный характер: регулярно проявляясь в асс. артикля и пом. причастия, она отсутствует в окончании инфинитива ($\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\nu$ $\kappa\alpha\iota$, сткк. 10—11), асс. существительного ($\mu\omicron\lambda\iota\beta\delta\iota\omega\nu$ $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}$, стк. 2 адреса) и перед придыхательным ($\mu\iota\nu$ $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$, стк. 13).

²⁶ B u s k, ук. соч., стр. 33.

²⁷ Тумб и Шерер (ук. соч., т. 2, стр. 253) приводят следующие примеры: $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$ (S c h w y z e r, № 688 C. 8, Хиос; но в этой же надписи — D. 3 — $\Lambda\epsilon\acute{\omega}\kappa\iota\pi\pi\rho\varsigma$, также C. 17); $\epsilon\iota\alpha\chi\delta\rho\iota\delta\epsilon\omega$ (S c h w y z e r, № 718. 2, Фивы у Микале в Ионии).

²⁸ T h u m b, S c h e r e r, ук. соч., т. 2, стр. 253.

²⁹ Jeffery, ук. соч., стр. 335. Имеется ряд имен на $\Lambda\epsilon\omicron$.

³⁰ Мнение А. Бартонека, который возводил этот процесс не только к VI, но даже к VII в., опять-таки отталкиваясь от указанной милетской надписи, по этой причине представляется недостаточно обоснованным (A. B a r t o n é k, Development of the Long-Vowel System in Ancient Greek Dialects, Praha, 1966, стр. 110 сл.).

³¹ Milet, т. I, ч. 3, В., 1914, № 122.

³² По поводу написания $\epsilon\iota$ вместо $\epsilon\upsilon$ в этой надписи В. Диттенбергер отмечал, что по религиозным соображениям составители списков сохраняли старую орфографию подлинников (комментарий к Syll. ³, № 272).

оптимальный путь заключается в признании того факта, что написание $\epsilon\omega$ вместо $\epsilon\upsilon$ входит в массовое употребление, начиная с середины V в.; до этого времени оно sporadически встречается примерно с последней четверти VI в.

В письме Ахиллодора, как видно, наблюдается полная замена $\epsilon\upsilon$ через $\epsilon\omega$ (два-три случая). В то же время в письменных памятниках Ольвии, как лапидарных, так и граффити, целиком господствует написание $\epsilon\upsilon$; $\epsilon\omega$ встречается три раза в памятниках IV в.³³ Отсюда явствует, что при датировке шрифта надписи концом VI — началом V в. предпочтение может быть отдано более поздней дате, стоящей ближе к тому времени, когда замена $\epsilon\upsilon$ через $\epsilon\omega$ стала развитым явлением в ионийских надписях, как это представлено и в письме Ахиллодора.

Обращают на себя внимание и другие особенности, свойственные эпиграфическим памятникам V в., но не встречающиеся в них в предшествующее время. Это прежде всего контрактированная форма $\epsilon\omega\tau\omega\iota$ (из $\epsilon\omega + \alpha\upsilon$). В гомеровских поэмах представлены неслитные формы (слитная — только один раз: $\omega\tau\acute{o}\varsigma$, II. 5, 396). Слитная форма встречается в VII в. у Алкмана, затем у Аристофана, Феокрита и т. д.³⁴ В ионийском диалекте слитная форма широко представлена у Геродота, Геронда и др.; в ионийских же надписях форма $\epsilon\omega\tau\omega$ также встречается только с 450 г. (Schwyzer, № 726. 44); до этого употребляется обычная форма $\epsilon\alpha\upsilon\tau\omega$ ³⁵.

Одинаковым образом дательный падеж множественного числа α -основ $-\eta\iota\varsigma\iota(\nu)$ (ср. Ἀρβυαττίσιν , стк. 12), широко представленный в литературных памятниках архаической поры, в ионийских надписях находит отражение лишь с начала V в.³⁶ Наконец, с этого же времени в ионийских надписях наблюдается слияние ϵ и $\bar{o}$ (т. е. $\omega\upsilon$) — $\acute{\alpha}\delta\alpha\phi\epsilon\omega\varsigma$ (из $\acute{\alpha}\delta\alpha\phi\epsilon\omega\varsigma$, стк. 12); у Архилоха, Геродота и Семонида встречаются как слитные, так и неслитные формы³⁷.

Отмеченные фонетико-морфологические особенности (написание $\epsilon\omega$ вместо $\epsilon\upsilon$, форма $\epsilon\omega\tau\omega\iota$, окончание дательного множественного $-\eta\iota\varsigma\iota\upsilon$, слитное $\epsilon\omega$ из $\epsilon\omega\upsilon$) могут указывать на то, что при датировке шрифта письма концом VI или началом V в. более предпочтительной является нижняя дата, однако настаивать на этом ни в коей мере нельзя. В целом же шрифт, графические и фонетико-морфологические особенности письма указывают на конец VI — начало V в., т. е. его составление относится, на мой взгляд, ко времени около 500 г.³⁸

2. Чтение и перевод текста

Издатель предложил следующее чтение и перевод надписи (стр. 75—76, 98):

- 1 $\text{᾽Ω Πρωτάγορη, ὁ πατήρ τοι ἐπιστέλλει ἀδικεῖται}$
 $\text{ὑπὸ Μαρτάσου, δοῦνται γάρ μιν καὶ τὸ}$
 $\text{φορτηγεῖσι ἀπεστέρεσεν. ἐλθῶν παρ' Ἀναξαγόρην} \leftarrow$
 $\text{ἀπ' ἡγήσαι, φησὶ γὰρ αὐτὸν Ἀναξαγόρεω}$
 5 $\text{δῶλον εἶναι μυθεόμενος, τὰ μὲν Ἀνα(ξ)αγόρης ἐχῆ}$
 $\text{καὶ δῶλος καὶ δῶλας κοίνας, ὁ δὲ ἀναβῶν τε}$

³³ ЗООИД, 23, 1901, стр. 24—25; ИАК, 27, 1908, стр. 68 слл.; надпись Евресибия, сына Сирика, из Ольвийского заповедника, в которой в одном случае стоит Ἐλεούθερος , а в другом — Ἐλεούθερος ; ср. также КБН, №№ 220, 1017.

³⁴ См. Thum b, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 276; F. Bechtel, Die griechischen Dialekte, т. 3, В., 1924, стр. 166; G. Meyer, Griechische Grammatik, Lpz, 1896, стр. 188; J. Wackernagel, Kleine Schriften, т. I, Göttingen, 1953, стр. 681—682.

³⁵ Jeffery, ук. соч., стр. 414, № 50 (конец VI в., Эрифры). В то же время слияние ϵ и α господствует в милетских граффити Навкратиса.

³⁶ Schwyzer, № 777 (Фасос, 490—480 гг.), 726. 31 (Милет, 450 г.), 782 (Делос, конец V в.). См. Thum b, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 268; Bechtel, ук. соч., т. 3, стр. 136.

³⁷ Bechtel, ук. соч., т. 3, стр. 53, 55, 60.

³⁸ В пользу датировки письма этим же временем высказалась также К. С. Горбунова, см. «Archaeological Reports for 1971—1972», L., 1972, стр. 49.

καὶ οὐ φησιν ἔναι οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Ματάσ(ου)
 καὶ φησιν ἔναι ἐλευθέρος καὶ οὐδὲν ἔναι ἑωυτ(ῶ)ι
 καὶ Ματί(τα)σου(ι). τί δὲ αὐτῶι τε κ' Ἀναξαγόρη αὐτοῖ
 10 οἶδασι κατὰ σφῆς αὐτῶς. ταῦτ' Ἀναξαγόρη λέγειν
 καὶ τῇ γυναικί. ἔτερα δὲ τὰ ἐπιστέλλε' τῇ μητέρα
 καὶ τῶς ἄδε(λ)φεῦς ἱεσσιν ἐν ἄρ(τ)' ἵνα τῇσιν ἄγην ἐς τῇ πόλιν,
 αὐτὸς δὲ Εἰνεορος ἐλθῶν παρά μιν θωορά καταβήσεται.

In tergo: Ἀχιλλοδώρῳ τὸ μολί-

βῶιον πρὸς τὸν παῖδα

κ' Ἀναξαγόρην.

«Протагор! Отец пишет тебе: его (т. е. отца) обижает Матасий, поскольку он (т. е. Матасий) обманывает его и лишил фортегесия. Придя к Анаксагору, расскажи, ведь он (т. е. Матасий) говорит, что тот (т. е. фортегесий) — раб Анаксагора, утверждая: „Мое имущество держит Анаксагор — рабов, рабынь и дома“, а тот (т. е. фортегесий) кричит и говорит, что у него нет ничего общего с Матасием; говорит, что он свободен и общего с Матасием нет у него ничего, а что общего у него (т. е. Матасия) с Анаксагором, они знают каждый сам по себе. Это скажи Анаксагору и его жене. Во-вторых, он тебе сообщает: мать и братьев твоих он посылает немедленно, чтобы они на эти (праздники или дни?) прибыли (?) в город, а сам Эвневр, пришедший к нему, вернется для (совершения) жертвенных обрядов».

Адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору».

Чтение и интерпретация текста письма связаны с различными трудностями. Прежде всего неясно точное значение ряда слов и выражений (φορτηγесίο, стк. 3; ἱεσσιν ἐν ἀρ(τ)ῇ, стк. 12; θωορά καταβήσεται, стк. 13). Далее, в частных актах зачастую предполагаются известные адресату ситуация или упоминаемые лица. Поскольку нам эти лица, как и подробности ситуации, неизвестны, трудно осознать до конца реальное содержание письма, как и тех событий, которые послужили поводом для его написания. Эти затруднения еще более усугубляются тем, что обо всех упоминаемых в письме персонажах, в том числе и об авторе письма, говорится в третьем лице. В связи с этим прежде всего необходимо установить правильное чтение текста и по возможности точно определить его содержание, т. е. значение отдельных не вполне понятных элементов. В этом отношении Ю. Г. Виноградов проделал большую работу, установив, кто имеется в виду под рядом выражений от третьего лица. Вместе с тем, как указывалось, отдельные моменты предложенного им чтения мне представляются спорными, а частью — фактически неправильными. Нижеследующий лексико-синтаксический комментарий дается в порядке строк письма.

Стк. 2. βολῶται. Формально имеется возможность сближать это слово как с βούλω «порабощаю», так и с βολῶ «обманываю», что отмечено издателем (стр. 86). Первый вариант предполагает, что объектом порабощения был автор письма Ахиллодор. В таком случае он же подразумевается под αὐτόν (стк. 4) и ὁ (стк. 6), а μὴν (стк. 2) является эквивалентом ἐαυτόν. Но, хотя этот вариант грамматически возможен, его следует отвергнуть, так как Ахиллодор не был объектом порабощения: он адресует письмо лично Анаксагору (ср. адрес: «(Письмо) Ахиллодора... к сыну и Анаксагору»), в нем нет никаких просьб, в тоне его послания не чувствуется никакой униженности, характерной для писем зависимых лиц³⁹. Вывод о том, что не сам Ахиллодор подвергался порабощению, предполагает, как установил издатель, следующее: значение слова βολῶται — «обманывает», под словом φορτηγесίο имеется в виду человек, о котором идет речь и в выражении: αὐτόν Ἀναξαγόρῳ δῶλον ἔναι (сткк. 4—5).

³⁹ Ср., к примеру, письмо Сфрагис, вероятнее всего рабыни, к Зенону (C. C. E d - g a r, Zenon Papyri, Le Caire, 1926, № 59145).

Стк. 3. Слово $\varphi\epsilon\rho\tau\eta\gamma\epsilon\sigma\iota\varsigma$ относится к разряду $\lambda\alpha\rho\alpha\varsigma$ $\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\lambda\omicron\mu\epsilon\lambda\omicron\upsilon$. Связь его значения с глаголом $\varphi\epsilon\rho\tau\eta\gamma\epsilon\iota\nu$ «перевозить грузы» очевидна. Форма именительного падежа — $\varphi\epsilon\rho\tau\eta\gamma\epsilon\sigma\iota\varsigma$; на мой взгляд, это субстантивированное прилагательное, образованное при помощи суффикса $-\iota\sigma$ от основы на $-\sigma$ или $-\tau$, типа $*\varphi\epsilon\rho\tau\eta\gamma\epsilon\sigma$ или $*\varphi\epsilon\rho\tau\eta\gamma\epsilon\tau\eta\varsigma$ (с переходом τ в σ во втором варианте)⁴⁰. Значение этого слова — «лицо, занимающееся перевозкой грузов»; видимо, оно было жаргонным или местным ольвийским эквивалентом обычного $\varphi\epsilon\rho\tau\eta\gamma\gamma\epsilon\varsigma$ «перевозчик грузов», «купец» (Theogn. 679 и др.).

Стк. 5. $\mu\epsilon\theta\epsilon\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$. Говоря о характере сочетания $\epsilon\omicron$ в этом слове, издатель видит в нем контракцию, проходившую следующим путем: $\epsilon + \omicron > \epsilon\omicron > \epsilon\omicron$ (стр. 81). Однако общеизвестно, что слияние ϵ и $\omicron$ в ионийских надписях имело место лишь с IV в.⁴¹ Следовательно, при датировке письма предшествующим временем предполагаемый процесс контракции многим менее возможен, нежели взгляд на $\epsilon\omicron$ как на неслитную форму, что и является одной из характерных черт ионийского диалекта⁴².

ΑΝΑΓΟΡΗΣ. Предложенное издателем исправление Ἀνα(ξ)γόρης следует признать полностью обоснованным, поскольку вся логика содержания надписи указывает на то, что здесь имеется в виду упоминавшийся уже Анаксагор. Резчик в данном месте очевидным образом пропустил по ошибке слог. Привлекательная же мысль о том, что Анагор — это сокращенная форма имени Анаксагор⁴³, малоправдоподобна, поскольку в таком случае возникает возможность смешения имен с различными основами (Ἀνα(α)- и Ἀνα(ξ)-)⁴⁴. И хотя такое явление известно греческой ономастике⁴⁵, в данном случае определенно можно говорить о пропуске слога, хотя бы потому, что нигде более в письме форма «Анагор» не приводится.

Стк. 6. $\omicron\iota\chi\iota\alpha\varsigma$. Слово $\omicron\iota\chi\iota\alpha$, имеющее ряд специальных значений (см. LSJ, s. v. cit.), в данном контексте означает «дом», под чем следует понимать комплекс жилых и хозяйственных построек.

Стк. 7. Издатель исправляет ΜΑΤΑΣΙΝ подлинника на Ματάσ(υ) . Однако $\iota\omicron\mu\alpha$ имеется на пластинке, поэтому исправляю: Ματάσ(υ)ικ(υ) ⁴⁶. N $\epsilon\varsigma\epsilon\lambda\kappa\upsilon\sigma\tau\iota\kappa\omicron\nu$ в dat. sg. не ставилось, хотя широко употреблялось во флексиях дательного множественного⁴⁷. В данном случае наличие приставного $\iota\omicron$ при dat. sg. нельзя также рассматривать как результат его переноса с множественного числа на единственное, в чем можно было бы усматривать отражение его узуса в разговорной речи, поскольку в стк. 9 в дательном единственном имени Μатаσίη это финальное $\iota\omicron$ отсутствует⁴⁸.

⁴⁰ Ср. E. Schwyzer, Griechische Grammatik, т. 1, München, 1939, стр. 466.

⁴¹ Thum b, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 258; В u s k, ук. соч., стр. 40, 142. В ольвийских граффити конца VI — начала V в. представлено именно неслитное $\epsilon\omicron$ («Ольвия», стр. 142). Напротив, в литературных памятниках этот процесс засвидетельствован с раннего времени: у Гомера (редко, В u s k, ук. соч., стр. 40), Архилоха, Анакреонта, Гиппонакта, Геродота (B e c h t e l, ук. соч., т. 3, стр. 53—55, 60).

⁴² Thum b, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 257.

⁴³ «... Может быть, в нашем случае это не ошибка, а только сокращенная модификация имени Ἀναξγόρης , но высказываться определенно на этот счет я не решаюсь» (В п н о г р а д о в, ук. соч., стр. 97).

⁴⁴ Ср. A. Fick, F. B e c h t e l, Die griechischen Personennamen, Göttingen, 1894, стр. 43, 57.

⁴⁵ См., например, M. L e u m a n n, Kleine Schriften, Zürich — Stuttgart, 1959, стр. 205; O. O. K р ю г е р, Надгробие Леокса, сына Молпагора, ИРАИМК, т. 1, 1920, стр. 49.

⁴⁶ В дальнейшем ударение не ставлю, поскольку его место неизвестно.

⁴⁷ G ä r t c h e n, H o f f m a n n, ук. соч., стр. 930—931; Thum b, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 267.

⁴⁸ Формально возможен и иной вариант исправления текста — Ματά(σ)ικ(υ) , поскольку флексия подлинника соответствует окончанию $-\sigma\iota\upsilon$ дательного множественного основ на υ . По поводу наличия приставного $\iota\omicron$ перед $\kappa\alpha\lambda\upsilon\iota$ см. S c h w y z e r, № 777 A. 1 (Νόμψησις καπύλων, Фасос, 490—480 гг.) и 710 B. 32—34 (Теос, после 479 г.). Этот вариант обладает тем преимуществом, что исходит из флексии полненика. Возможен он и в смысловом отношении: приводя свои контраргументы, фортегесий заявляет, что «он не имеет ничего общего со всякими Матасиями». Употребление

ἔχει οὐδὲν κοινόν τε καὶ Μάτασ(υ)(<ν>). Эта фраза принадлежит к конструкциям типа τί ἐστὶν μοί καὶ σοί; (при которой стоит или подразумевается κοινόν) со значением «что общего есть у меня с тобой?» или «какое отношение я имею к тебе?»⁴⁹.

Ср. также аналогичную фразу в сткк. 9—10: Μάτασι δὲ τί (scil. ἐστὶ κοινόν) αὐτῷ τε κίναξαγόρη «что общего у самого Матасия с Анаксагором. . .», под чем подразумевается то имущество, которое перешло от Матасия к Анаксагору (о чем Матасий говорил ранее, сткк. 5—6).

Конструкции подобного типа развились из более простой идиомы ἐστὶ μοί τι, которая означает наличие (в отрицательной форме — отсутствие) чего-либо у кого-нибудь или отношение кого-либо к чему-нибудь. Ср., к примеру, Dem., 21, 44: οὐδὲν αὐτῷ πρὸς τὴν πόλιν ἐστὶν «у него нет никаких дел с этим городом», «он не имеет никакого отношения к этому городу»⁵⁰. Иногда при этом подразумевается что-либо конкретное, о чем речь шла выше, ср. Isocr., 4, 12: ἐμοὶ δ' οὐδὲν (sc. ἐστὶν), под чем подразумевается отсутствие у Исократа таких речей, о которых говорилось выше. В письме имеется фраза подобного типа: οὐδὲν ἔχει κοινόν (стк. 8), где, как указывают приведенные параллели, имеется в виду предыдущее, а именно то, что Фортесий не имеет никакого отношения к тому имуществу, о котором говорил Матасий, т. е. он, Фортесий, не входит в качестве раба в τὰ ἐμά Матасия. Это же имущество, как мы видели, подразумевается и в следующих далее словах Фортесия о том, что Матасий и Анаксагор сами знают, что за имущество перешло от одного к другому. Следовательно, рассматриваемая фраза в сткк. 8—10 означает: «и он не имеет никакого отношения (scilicet к тому имуществу), а что общего есть у самого Матасия и Анаксагора (т. е. какое именно имущество перешло от одного к другому), они знают сами по себе». Таким образом, под τί стк. 9 подразумевается предыдущее τὰ ἐμά (стк. 5), причем в противоположность множественному числу последнего выражения употреблено единственное число τί как указание на избирательную конкретность вопроса (что именно из того имущества?).

Сткк. 9. В подлиннике стоит ΔΕΤΙ, исправление которого на τί δέ представляется необоснованным. Это не «описка» и не «синтаксическая погрешность», как писал Ю. Г. Виноградов (стр. 91, прим. 39), но обычная синтаксическая фигура δέ τί, свойственная как живой разговорной речи, так и литературному языку, вариант более употребительного словосочетания τί δέ⁵¹. Она употреблялась в прямых и косвенных вопросах, к примеру: διαφέρει δέ τί; (Dem., 18, 205). Σὺ δέ τίς εἶ; σοὶ δέ τί προσήκει θάπτειν (Isae., 8, 24). Ὡς γύναι, ἔφη, ὄνομα δέ σοι τί ἐστὶν (Xen., Mem. II, 1, 26). Таким образом, написание подлинника не нуждается в исправлении, поскольку оно отражает реальную синтаксическую фигуру.

Перестановка компонентов подлинника была вызвана не вполне правильной, на мой взгляд, интерпункцией Ю. Г. Виноградова в сткк. 8—9. В стк. 9 он ставил точку после имени Матасий, что и повлекло за собой, естественно, перестановку δέ τί подлинника на τί δέ. Кроме того, предложенная издателем интерпункция вызывает недоумение и в другом отношении: не вполне понятно, почему Фортесий дважды повторяет, что он не имеет никакого отношения к Матасию. В действительности имевшем место разговоре Фортесий мог бы повторить свой аргумент дважды и более, но трудно понять, зачем стал бы за ним повторять это Ахиллодор в своем письме.

личных имен во множественном числе встречается в источниках, но по вполне понятным причинам не часто (ср. A g r h., Ec. 1042; P l a t, Leg. 838 C). Тем не менее более вероятной является форма единственного числа, поскольку в соответствии с контекстом она указывает на конкретное лицо.

⁴⁹ R. K ü h n e r, B. G e r t h, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, т. 2, ч. 1, Hannover, 1898, стр. 417.

⁵⁰ «Ei nihil cum republica negotii sit» — Demosthenis opera, ed. J. Th. Voemel, P., 1843, l. c.

⁵¹ Примеры с этими конструкциями см. J. D. D e n n i s t o n, The Greek Particles, Oxf., 1954, стр. 173 слл.

Исходя из изложенного выше, я думаю, что интерпункция фразы в сткк. 6—10 должна иметь следующий вид: ὁ δὲ ἀναβῶν τε καὶ οὗ φησιν ἔναι οὐδὲν ἑωυτῶν τε καὶ Ματασ(υ)ι(ν), καὶ φησιν ἔναι ἐλεόθερος, καὶ οὐδὲν ἔναι ἑωυτ(ῶ)ν, καὶ Ματα(τα)συ(ι) δὲ τί αὐτῶν τε κίναξαγόρη⁵² αὐτοὶ οἶδασι κατὰ σφᾶς αὐτός. «Тот же (фортегесий) кричит и не только говорит, что у него нет ничего общего с Матасием, но утверждает, что он является свободным и что он не имеет никакого отношения (к тому имуществу), а что общего есть у самого Матасия и Анаксагора (т. е. какое имущество перешло), они знают сами по себе»⁵³.

Предлагаемая интерпункция представляется единственно возможной: она исходит из написания подлинника и, кроме того, находит очевидное подтверждение в дистрибуции соединительных союзов καὶ и τε καὶ. Частица τε в данном предложении в соединении с καὶ служит для сочетания однородных элементов, т. е. отдельных слов внутри периодов фразы, ср. ὁ δὲ ἀναβῶν τε καὶ οὗ φησιν (сткк. 6—7); ἑωυτῶν τε καὶ Ματασυι (стк. 7); Ματασυι αὐτῶν τε κίναξαγόρη (стк. 9, дательные падежи). В то же время самостоятельные отдельные периоды фразы соединяются посредством одного лишь καὶ без τε: ...Ματασυι, καὶ φησιν ἔναι ἐλεόθερος, καὶ οὐδὲν ἔναι ἑωυτῶν, καὶ... (сткк. 7—9)⁵⁴. Таким образом, при предложенной издателем интерпункции слова ἑωυτῶν (конец стк. 8) и Ματασυι (начало стк. 9) как члены одного периода фразы должны были бы соединяться посредством τε καὶ. Наличие в данном месте одного лишь καὶ, без τε, указывает, что эти слова относятся к разным периодам фразы — καὶ οὐδὲν ἔναι ἑωυτῶν (стк. 8), с одной стороны, и καὶ Ματασυι δὲ τί αὐτῶν τε κίναξαγόρη (стк. 9), — с другой.

В результате предложенной здесь интерпункции образуется синтагма с включенным в нее δὲ τί, т. е. Ματασυι δὲ τί αὐτῶν (стк. 9). Ср. примеры с инкорпорированным в синтагму δὲ τί (в вопросительных предложениях): Τοῦτο δ'ἔσθ' ὁ τόκος τι θηρίον; (Arph., Nub. 1286); здесь δέ...τί включено в синтагму τοῦτο...θηρίον. У Платона, с одной стороны, Τῷ τίνος δὲ ἔργῳ и, с другой, — τῷ δὲ τίνος ἔργῳ (Crat. 388 D).

Стк. 12. Издатель исправляет ΑΔΕΦΕΥΣ подлинника на ἄδε(λ)φεὺς что, возможно, и правильно. Вместе с тем, как мне представляется, в данном случае суть дела может состоять не в пропуске буквы, а в особенностях фонетического облика данного слова. В связи с этим, исключительно в порядке постановки вопроса, позволю себе высказать следующие соображения.

Плавный λ в слове ἄδελεός отличался неустойчивостью, переходя в качественно близкие звуки. В гортинском говоре наряду с обычной формой ἄδελεός сосуществовала и редкая, лишь дважды зафиксированная форма ἄδευός⁵⁵. Это явление объясняется тем, что на Крите звук l отчасти подвергался гуттурализации и в живом произношении напоминал u; отсюда в надписях закономерно появлялись такие формы, как καυός (= καλός = χαλός), αὐφίτων = (ἄλφίτων) и т. д.⁵⁶

⁵² Scilicet ἔστιν, ср. то же в аналогичной конструкции: I s o c r., 4, 12: ἐμοὶ δ'οὐδὲν πρὸς τοὺς τοιοῦτους (scil. ἔστιν). См. K ü h n e r, G e r t h, ук. соч., т. 2, ч. 1, стр. 417.

⁵³ Двойное καὶ в выражении καὶ οὗ φησιν ... καὶ φησιν (сткк. 7—8), как представляется, в данном случае — не просто соединительный союз, но, принимая во внимание эмфатичность этой фразы, имеет оттенок «не только..., но (и)» (см. LSJ, s. v. καὶ, A V; D e n n i s t o n, ук. соч., стр. 323-324). Ср. в этом отношении II. 24, 641: καὶ σίτου πασίμην, καὶ αἰθόπαι οἶνον, где Деннистон подчеркивает эмфатический характер первого καὶ — «не только хлеба вкусил я, но и багряного вина» (ук. соч., стр. 324). Такое понимание указанного выражения письма объясняет разницу в употреблении καὶ οὗ φησιν, с одной стороны, и καὶ φησιν, с другой, которые при одном и том же отрицании οὐδὲν одинаково дают негативный смысл.

⁵⁴ В этом смысле интересно замечание И. А. Коссовича о том, что τε καὶ «соединяет подобное, необходимое (однородные элементы. — В. Я.); καὶ — καὶ — разнородное» (Греческо-русский словарь, М., 1848, стр. 918, s. v. καὶ, Ac). См. также K ü h n e r, G e r t h, ук. соч., т. II, ч. 2, Hannover, 1904, стр. 249 слл.

⁵⁵ «Большой свод гортинских законов», V, 18; также в одной из гортинских надписей II в. до н. э. (Inscriptiones Creticae, т. 4, Roma, 1950, № 208 A. 2).

⁵⁶ В u s k, ук. соч., стр. 64; M e u e r, ук. соч., стр. 244.

Ср. также позднегреческое ἀδερφός, сосуществовавшее с обычной формой, и поздне-ликийско-ионийское ἀδενφόν⁵⁷. |

В связи с этим обращают на себя внимание два следующих обстоятельства. В ионийском диалекте во второй половине V и особенно в IV в. установилось написание дифтонга *eu* через *eo*, что явилось графическим отражением определенного фонетического процесса, а именно перехода *u* в *ü*, т. е. велярный *u* подвергся палатализации (место его артикуляции продвинулось вперед)⁵⁸. Вместе с тем известно, что в некоторых ионийских говорах — хийском и кеосском — имело место палатализованное *l*⁵⁹. Предполагая аналогичное явление в ольвийском говоре, можно допустить, что поскольку звуки *ü* и *l* сблизились по месту образования, плавный в слове ἀδελφός подвергся субституции и произносился как *ü* — ἀδεуφός. Иначе говоря, можно думать, что в данном случае происходил процесс, формально близкий тому, что имел место в критских говорах (где *l* продвинулось в *u* — переход палатализованного *l* в *ü*)⁶⁰. В результате контракции *eu* в *e* могла образоваться представленная в письме форма асс. pl. ἀδεφεύς⁶¹. Очевидно, что предлагаемое объяснение формы подлинника достаточно гипотетично — из трех ступеней предлагаемого процесса (палатализация *u*, затем *l*, контракция *eu* в *e*) в письме засвидетельствована лишь первая (сткк. 8, 13). Тем не менее, поскольку факты свидетельствуют об определенной неустойчивости плавного в слове ἀδελφός, поскольку в письме нашли отражение различные формы живого разговорного языка, мне представляется предпочтительным сохранить написание подлинника⁶².

ΙΕΣΣΙΝΕΝΑΡΒΙΝΑΤΗΣΙΝ. Интерпретация этой строки чрезвычайно затруднительна. Предложенное издателем чтение ἱεσσιν ἐν ἄρ(τ)'ἰνα τῇσιν, несмотря на исправление текста, удовлетворительного смысла не дает; в частности, ἰνα в качестве союза с инфинитивом не сочетается⁶³. Еще в процессе обсуждения рукописи статьи Ю. Г. Виноградова я высказал мнение о том, что в данном месте содержится собственное имя — ἐν Ἀρβινᾷ (dat.), затем, уже после выхода в свет его публикации, Ю. Г. Виноградов предложил новое чтение — ἐν Ἀρβινατῆσιν, которое следует признать оптимальным (устное сообщение). В данном выражении он видит название местного праздника, т. е. «на время Арбинатий». Этот dat. temporis удачно вписался бы в контекст фразы, однако два формальных момента препятствуют такому пониманию данного выражения. Прежде всего это форма женского рода, поскольку названия праздников в подавляющем большинстве ставились в форме среднего (подразумевалось τὰ ἑσρά). К мужскому или женскому роду могли принадлежать названия либо отдельных дней

⁵⁷ Подробную сводку форм этого слова см. у Г. Мейера (ук. соч., стр. 111, 236, 242, 244) и П. Шантрена (P. Chantraine, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, ч. 1, P., 1968, стр. 18—19).

⁵⁸ См. выше, стр. 14—16; Thum, Scherer, ук. соч., т. 2, стр. 251; Schwyzer, Griechische Grammatik, т. 1, стр. 182 сл.

⁵⁹ Schwyzer, Griechische Grammatik, т. 1, стр. 212—213.

⁶⁰ Однако качественно эти процессы различны: в критском он произошел вследствие веляризации (гуттурализации), а в нашем предполагаемом случае — вследствие палатализации. Переход *l* в *u*, если не считать примеров, обязанных влиянию латинской фонетики, помимо критского говора засвидетельствован также в одном из папирусов II в. н. э. — ἀγυρίου вместо ἀργυρίου, через диссимилированную форму ἀλγυρίου (Meuser, ук. соч., стр. 244).

⁶¹ Этот процесс имел место с V в. (O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte, 3, Göttingen, 1898, стр. 534; IG, XII, 9, № 56. 89).

⁶² Не исключено, что форма ἀδεφεύς является не столько следствием указанных фонетических процессов, сколько отражает разговорную модификацию этого слова без *l*, элидированного по принципу «экономии речи». Ср. ассимиляторное выпадение сонорного же *m* перед *f* (Νοφαχόρας, КВН, № 1072, Гермонасса, III в. до н. э.). Ср. также А. И. Доватур, Краткий очерк грамматики боспорских надписей, КВН, стр. 809, § 5, 1 — о случаях произвольного выпадения сонорных *m*, *n* перед согласным; «принципы экономии» — стр. 810, § 7, 1 (передача двойного *ll* через одно).

⁶³ Это отмечено и самим издателем, стр. 94. Об опосредованном сочетании указанного союза с инфинитивом см. P. Monteil, La phrase relative en grec ancien. P., 1963, стр. 378 слл.

праздника (например, Χῆροι, восьмой день Анфестерий), либо обрядов (Μαζῶνες)⁶⁴. В «Лексиконе» Геспхия имеется несколько названий преимущественно женского рода с пометкой ἐορτή⁶⁵, но о них практически ничего не известно, так что не ясно, к чему относились эти названия — ко всему празднику или только к его части, поскольку последние могли совпадать с наименованием праздника в целом, различаясь лишь по категории рода. Например, Καρνεῖαι составляли часть известного праздника τὰ Καρνεῖα, второй день праздника τὰ Θεσμοφορία назывался ἡ Θεσμοφορία и т. д.⁶⁶ Кроме того, эти названия могли быть связаны с одними лишь обрядами⁶⁷. Таким образом, трактовка названия женского рода в качестве наименования праздника имеет очень небольшую степень вероятности, особенно если мы ничего более не знаем о предполагаемом празднике. Это негативное заключение еще более усугубляется тем, что названия праздников в dat. temporis обычно употребляются без предлога ἐν, хотя и здесь опять-таки не обходится без исключений⁶⁸.

Учитывая изложенные данные, в Ἀρβινάτιον, на мой взгляд, следует видеть топоним, название одного из населенных пунктов ольвийской хоры⁶⁹. Основа ἀρβιν- не характерна для греческого языка, поэтому на его материале предполагаемый топоним объяснения не находит⁷⁰. Можно было бы предполагать местное происхождение этого названия, однако, как представляется, имеются определенные данные, позволяющие связать его с ономастикой Карии, в которой была расположена метрополия Ольвии — Милет.

Имеется серия карийских монет конца V в. до н.э. с ликийской легендой erbina, либо с ее карийскими аббревиатурами er или e; характер этого названия неясен — оно может быть и топонимом и антропонимом⁷¹. Поскольку в греческом это ликийско-карийское название передавалось как Ἀρβιν-⁷², его можно рассматривать в качестве основы предполагаемого топонима *Ἀρβινάται⁷³. (Если трактовка легенды на монетах имеет в виду не топоним, а личное имя, ее все равно можно рассматривать в качестве основы названия поселения, так как образование топонимов от личных имен является одним из наиболее продуктивных способов.) Надежная форма предполагаемого топонима (dat. pl.) в сочетании с предлогом ἐν может указывать как на направление движения, так и на местное значение — «в Арбинаты» или «в Арбинатах»⁷⁴. Это название могло быть занесено в район Ольвии колонистами, происходившими из милетской хоры, являвшейся частью Карии.

⁶⁴ M. P. Nilsson, Griechische Feste, Lpz, 1906, стр. 300, 457.

⁶⁵ См. индекс 2 в указанной работе Нильссона. Я касаюсь лишь названий, состоящих из одного слова, без определений.

⁶⁶ См. Syll.³, № 1026, комментарий 7.

⁶⁷ Правда, в работе Нильссона приводятся два-три названия женского рода, которые, видимо, составляли отдельные празднества, но о них также мало что известно (стр. 435, 464).

⁶⁸ Г. Нидерле, Синтаксис греческого языка, М., 1880, стр. 87, прим. 2.

⁶⁹ Ср. упоминаемый у Стефана Византийского Ἀρβίνιον, город на Понте.

⁷⁰ Глосса Геспхия ἀρβινῆ κρίας, Σικελοί, сближаемая с лат. arvina «свиной жир», в данном случае ничего не проясняет. Ср., впрочем, Ἀρπινά — название города в Элиде, и Ἀρπινάτης — реки при нем (Paus., VI, 21, 8).

⁷¹ E. Babelon, Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale, P., 1893, стр. CII—CIII; В. В. Шелорошкин, Исследования по дешифровке карийских надписей, М., 1965, стр. 245.

⁷² Ph. H. Houtwink Ten Cate, The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera, Leiden, 1961, стр. 102; ср. J. Sundwall, Die einheimischen Namen der Lykier, Lpz, 1913, стр. 7, 70 сл., 284; Шелорошкин, ук. соч., стр. 169.

⁷³ -(a)t- — это этно-топонимический формант, ср. Schwyzler, Griechische Grammatik, т. 1, стр. 500.

⁷⁴ Сочетание предлога ἐν с дательным падежом при глаголах движения (здесь — ἔειπ, см. ниже) указывает на направление этого движения и последующее пребывание в этом месте (LSJ, s. v. ἐν, I, 8), ср. примеры с топонимами: τὴν ἐν τῷ Πατρὶ ... καταφυγῆν, Thuc., VIII, 11, 3; διαβάντες ἐν τῇ Σίμῳ, Paus., VII, 4, 3. Обращает на себя внимание то, что в одном случае понятие направления передано через предлог ἐν с дательным падежом, а в другом — через предлог ἐς с винительным (ἐς τὴν πόλιν, стк. 13). Это различие средств в передаче понятия направления обусловлено, надо полагать, тем, что оба выражения стоят рядом, в одной строке.

ΙΕΣΣΙΝ. Эта форма не имеет аналогий в источниках, в том числе и диалектных. Следовательно, перед нами либо ошибка, либо *haraх eígemēnon*. На мой взгляд, оптимальное решение данной апории состоит в признании этой глоссы формой, бытовавшей в разговорном языке. Издатель без специальной аргументации сближает ее с ἰγσι «он посылает», что в принципе представляется мне правильным. На мой взгляд, эта связь может быть аргументирована следующим образом. Как известно, новоионийская форма 3-го лица единственного числа от глагола ἰγμι — ἰσι (в основном с различными префиксами). Однако литературный новоионийский язык по крайней мере с V в. испытывал ощутимое влияние аттического языка⁷⁵. В частности, что касается данного глагола, у Геродота в одном месте некоторые лучшие рукописи вместо ионийской формы ἰσι дают форму ἰσιγσι по аттическому образцу (6, 62). Аналогичное явление встречается и в сочинениях медиков (Гиппократ и др.)⁷⁶. Учитывая факт проникновения некоторых аттических форм в новоионийский язык, можно предположить, что форма ἰεσσιν отражает контаминацию новоионийской основы ἰе- и флексии 3-го лица единственного числа аттических образцов -σι(ν), бытовавшую, стало быть, в живом разговорном языке Ольвии⁷⁷. Двойная сигма может быть либо результатом диттографии, либо отражением местной произносительной тенденции; ввиду неясности формы сохраняю написание подлинника⁷⁸.

Значение ἰγμι здесь — «посылать»; обычно этот глагол требует винительного падежа, очень редко — родительного или же дательного инструментального (LSJ, s. v. cit.) В данном случае при ἰεσσιν опущен объект, который должен был стоять в аккузативе и обозначать, что или кто посылается. Судя по акценту на частице ῥε в выражении αὐτὸς ῥε Γονεῦρος («сам же Гонецвр»), Ахиллодор послал за своей семьей Гонецвра, который и должен был перевезти ее в город. Именно при таком понимании текста оговорка ἐλθόντι παρὰ μιν в следующем периоде этой фразы (стк. 13) получает смысл: Гонецвр сначала перевезет семью и после этого придет ко мне.

Глагол ἄγειν в переходном значении «ехать», «отправляться» употреблялся, за поздним исключением, применительно к военной обстановке (LSJ, s. v. ἄγω, II, 2). Следовательно, в данном контексте этот глагол имеет переходное значение «доставлять», в котором он употреблялся по отношению к одушевленным существительным (LSJ, s. v. ἄγω, I, 1).

Такое понимание формы ἰεσσιν и значения ἄγειν дает удовлетворительный контекст фразы: «он (отец) посылает в Арбинаты, чтобы доставить мать и братьев в город». Ср. то же в аналогичной конструкции асс. cum inf.—II, 23, 512: ῥῶκε ῥ' ἄγειν... ῥῶκεζα «приказал доставить женщину»⁷⁹.

⁷⁵ Ср. аттические формы глаголов на -μι у Геродота (4, 23; 5, 8), спорадически употребленные при полном преобладании ионийских форм.

⁷⁶ K ü h n e r, ук. соч., I, Hannover, 1869, стр. 655, 659.

⁷⁷ Аналогичным образом и у аттических авторов употреблялись ионийские альтернаты этого глагола, ср. S o p h., El. 596: ἰσις наряду с аттической формой ἰγς.

⁷⁸ Если двойная сигма в ἰεσσιν — результат диттографии, то ε = αι как эквивалент η (т. е. ἰεσιν). Ср. собранные О. Хофманом многочисленные примеры употребления наряду с негеминированной также двойной сигмы, в том числе в глагольных флексиях (ук. соч., т. 3, стр. 568—576). В Ольвии ряд именных основ также употреблялся с двойной сигмой (IOSPE, I², стр. 570). Наконец, в данном случае можно видеть просто ошибочное удвоение сигмы, как, например, в одной боспорской надписи (КБН, № 40. 4).

⁷⁹ Предлагаемое понимание слова ἰεσσιν и контекста фразы представляется мне оптимальным, хотя есть и иные пути решения вопроса. Так, если принять ἄγειν за императив, а выражение ἐν Ἀρβινατῆσιν понимать не в местном смысле, то возможны следующие варианты. Во-первых ἰεσσιν можно рассматривать как *haraх legomenon* — отглагольное наречие, образованное от основы ἰе- (ἰγμι, основа, собственно, *je-*) с помощью наречного суффикса -σι (S c h w y z e r, Griechische Grammatik, т. 1, стр. 624). При этом следует отметить, что в ольвийском говоре -τι этого суффикса иногда переходило в -σι (например, ἀμοσσί, «Ольвия», стр. 143). В семантическом аспекте основа ἰе- включает понятия «устремляться», «спешить»; следовательно, образованное от нее наречие ἰεσσι(ν) может иметь значение «спешно», «срочно». Таким образом, получаем следующий контекст: «мать и братьев срочно вези в город...». Этот вариант имеет ту слабость, что подобные наречия образуются в основном от гла-

В выражении ἐς τὴν πόλιν, вне всякого сомнения, подразумевается Ольвия, ср. παραγεγόμενος εἰς τὴν πόλιν [πο]λλὰ καὶ μεγάλα χρήσιμος γέ[γ]ονεν τῷ δῆ[μῳ] Ὀλβιῶπολιν⁸⁰ «прибыв в город, оказал много важных услуг народу ольвинопольитов» (IOSPE, I², № 325. 5—7, перевод В. В. Латышева). Отсюда явствует, что жители Ольвии, как это обычно повсюду, называли свой полис просто «городом».

Стк. 13. νεωρος. По всей вероятности, здесь должно содержаться личное имя, корреспондирующее к αὐτός, начальные буквы сохранились неполностью. В первой из них можно скорее усмотреть гамму, нежели эписилон, средняя гаста которого не обозначена, хотя сохранилось более половины буквы (ср. стоящий рядом эписилон частицы δέ). Среднюю гасту в эписилоне Ахиллдор вырезал в середине или ближе к верху, но несколько раз он располагал ее и в нижней части буквы. Таким образом, в начале имени вероятней восстанавливать гамму, хотя не исключен и эписилон.

Возможная форма имени — Γουερός, или, абстрагируясь от особенностей начертания, — Γουερούς. Недостатком такого восстановления является отсутствие подобного имени в греческой антропонимике. Оно могло быть образовано из двух основ: γον- «рождение»⁸⁰ и εῖρους, эпической контрактированной формы от εὔρους «прекрасно текущий», в переносном смысле — «благой», «счастливый»⁸¹. Вероятное значение имени — «счастливо рожденный», «благородный». По поводу возможности сочетания этих основ ср. выражение εῖρους γένεσις у Платона (Leg. 740 D).

Предложенная Ю. Г. Виноградовым форма имени — Εῦνερος — столь же проблематична: оно также не засвидетельствовано в греческой антропонимике. Оно могло быть образовано либо от основы νεῖρον «тетива», «струна», либо от этника Νεῦρος «невр», житель страны невров, локализуемой, по мнению некоторых ученых, между Средним Днепром и верховьями Южного Буга — Днестра. В греческой антропонимике имена с основой νεῖρον отсутствуют. В пользу второго варианта могло бы свидетельствовать, с одной стороны, то, что ольвийские греки вели с неврами торговлю по Южному Бугу, если указанная локализация верна⁸². С другой стороны, в ольвийской антропонимике фигурировали имена, так сказать, местного, географического происхождения, образованные от названия Южного Буга⁸³. Это предположение наталкивается на то препятствие, что в греческой антропонимике нет имен, образованных на основе этнонима или топонима в сочетании с префиксом εὔ-.

голов на -ίω, -έω (K ü h n e r, B l a s s, ук. соч., т. 1, ч. 2, стр. 303), не говоря уже о предположении нарах legomenon. Во-вторых, возможно понимание формы ἱεσιν как dat. pl. причастия ἱεῖς (от ἱεῖν) в значении dat. sociativus, т. е. «мать и братьев с отправляющимися на (праздник) Арбинатий вези в город». Недостаток этого варианта состоит в предположении непереходности ἱεῖν в значении «отправлять», кроме того, понимание выражения ἐν Ἀρβινάτησιν в качестве названия праздника, как указывалось выше, маловероятно. Наконец, если предположить, что автор письма забыл вырезать омикрон, получим выражение (ι)ἱεσιν, т. е. «мать и братьев, которые находятся в Арбинатах, вези в город». Форму ἱεσιν можно рассматривать в качестве эквивалента обычной ионийско-аттической формы εἰσίν (ε = ει, как в εἶναι); удвоенную сигму опять-таки можно объяснить либо диттографией, либо особенностями местного произношения. Слабостью этого варианта является дополнение текста письма.

⁸⁰ Как в именах Γου-εός (самосская надпись, III в., F. B e c h t e l, Die historischen Personennamen des Griechischen, Halle, 1917, стр. 538; L y c o p h r., Al. 128), эпическая форма — Γουερός (Il. 2, 748) и Γου-ιπτός (F i c k, B e c h t e l, ук. соч., стр. 88).

⁸¹ См. LSJ. s. v. εῖρους, IV. Имена с εῖρους мне неизвестны; есть имена со вторым компонентом -ρός (Καλλυρός., Συρρός, B. H a n s e n, F. D o r n s e i f f, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen, B., 1957, стр. 277).

⁸² Б. Н. Граков, Скифы, М., 1971, стр. 127 («греческая надпись» на сосуде местного происхождения (Б. Н. Граков, Греческое граффито из Немировского городища, СА, 1959, № 1, стр. 259), как указали мне сотрудники Гос. Эрмитажа, представляет собой, видимо, случайное скопление прочерков).

⁸³ Γπανός, патронимикι Γπινεός (L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 341), Γπινός (HAK, 27, 1908, стр. 69, IV в. до н. э.).

Изложенные обстоятельства оставляют вопрос о форме имени целиком открытым. Впрочем, вопрос этот второстепенный, и в данной статье имя Гоневр (правильнее было бы сказать Гоневроос) употребляется условно, в чисто технических целях.

Θωρὰ καταβίσται. Форма слова Θωρὰ может рассматриваться единственно как асс рl. neutr. Предложенное издателем понимание этого выражения как «вернется для (совершения) жертвенных обрядов» (стр. 98) представляется не вполне правильным. Во-первых, винительный цели или направления употреблялся только в поэтической речи⁸⁴. Во-вторых, лексическое значение слова Θωρὰ не может быть определено как «(совершение) жертвенных обрядов». Дело в том, что принятое в словаре Лиддела — Скотта — Джоунза определение taking care of offerings, на которое ссылается издатель, имеет в виду значение «стол», поскольку является переводом глоссы из «Лексикона» Гесихия: Θωρὸν τράπεζαν τῇ τὰ θύῃ φυλάσσουσιν. καὶ τοὺς ἱερεῖς καὶ μυσταγοὺς ὅττω «стол, предназначенный для жертвенных воскурений. Так в отношении и жрецов, и парфюмеров». Таким образом, субстантивированное прилагательное Θωρὸς (-όν) имеет только одно прямое значение — «стол» и переносное — в смысле «стол, уставленный яствами», «трапеза». В своем прямом или переносном значении это слово употреблялось во всех трех родах: женском и мужском (Call. III. 134; Scholia ad Lycophr. Al. 93, эпитафия — BCH, 11, 1887, стр. 161, стк. 7), форма среднего рода, видимо, приведена Гесихием⁸⁵. Важно отметить, что оно употреблялось не только в сфере сакральной лексики, но и в просторечии (о менялах⁸⁶, парфюмерах и т. д.), причем с довольно раннего времени (первое упоминание у Ферекида Сирского, философа VI в.). Существенно также, что в раннюю эпоху это слово бытовало и в милетской хоре⁸⁷.

Установив, что в последней строке письма речь, по всей видимости, идет о столах, обратимся к выяснению значения слова καταβίσται. Употребленное издателем значение «вернется» ему несвойственно; на мой взгляд, в данном контексте оно имеет свое обычное значение «двигаться сверху вниз, из внутренних частей суши к морю» (LSJ, s.v. καταβαίνειν, I, 2). Как указывалось выше, выражения αὐτὸς δὲ Γονεβρόος и ἐλθὼν παρὰ μιν подразумевают, что Гоневр должен был доставить семью Ахиллотора из Арбинат в Ольвию и затем зайти к нему. После этого, как следует из слова καταβίσται, Гоневр двинется «сверху вниз». Если иметь в виду, что он должен был отправиться на Березань (где было найдено письмо), то слово καταβίσται получает подходящее именно к данной ситуации конкретное значение, которое может быть определено как движение из Ольвии на Березань. (Между прочим, в противоположность предположению издателя о том, что письмо не было отправлено, этот факт свидетельствует, что оно достигло адресата.) Таким образом, целью новой поездки Гоневра была доставка столов на Березань, т. е. выполнение задачи, стоявшей перед фортегесием, в связи с уводом последнего было возложено Ахиллотором на него.

Лексический анализ показал, что выражение Θωρὰ καταβίσται следует понимать в смысле «свезет столы». Такая интерпретация хорошо согласуется с подтекстом второй части письма — стоявшей перед Ахиллотором проблемой перевозки грузов, однако она встречает затруднение в непереходном характере глагола καταβίσειν в значении «двигаться сверху вниз»⁸⁸. Все же это препятствие не является непреодолимым: данный глагол, в целом непереходный, в соответствии с контекстом мог употребляться и в транзитивном качестве (в значении «унижать», Pind., P. 8. 78). Надо думать, в разговорном языке, тем более в сочетании с жаргонным, видимо, по

⁸⁴ И д е р л е, ук. соч., стр. 43.

⁸⁵ В женском или среднем роде это слово употреблено у Ферекида Сирского: H. D i e l s, Die Fragmente der Vorsokratiker, т. 2, ч. 1, В., 1907, стр. 510.

⁸⁶ От него было образовано слово Θωρίτης — эквивалент τράπεζιτης (L u s o r h g., Al. 93; H e s u c h., s. v. Θωρίτης).

⁸⁷ Такой вывод следует из анализа лексики эпитафии римского времени из Лагины в Карию (Ch. D i e s h l., G. C o u s i n, Inscriptions de Lagina, BCH, 11, 1887, стр. 161). Лексика данной эпитафии целиком заимствована из эпического языка и содержит массу ионизмов.

⁸⁸ Указанием на это я обязан Н. В. Шебалину.

характеру словом $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ глагол этот в значении «двигаться сверху вниз» употреблялся и в переходном смысле — «свозить что-либо». Это явление могло быть обусловлено общей тенденцией превращения непереходных глаголов движения (типа $\beta\acute{\alpha}\chi\iota\upsilon\epsilon\iota\tau\iota$), сложенных с предлогами, в переходные, причем приставка $\kappa\alpha\tau\alpha$ - была особенно действенна в этом отношении⁸⁹.

Предложенная интерпретация выражения $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha} \kappa\alpha\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma\epsilon\tau\alpha\iota$ обладает тем преимуществом, что позволяет связать стк. 13 («сам же Гонец, зайдя ко мне...») с общим смыслом письма: Гонец, во-первых, является лицом, подразумевающимся в качестве объекта при $\dot{\iota}\epsilon\sigma\sigma\iota\upsilon$, т. е. он был послан Ахиллодором за своей семьей в Арбинаты, и во-вторых, с его же помощью Ахиллодор после ухода фортегесия намеревался отправить грузы на Березань. Логическая стройность такой интерпретации и ее мотивированность с точки зрения общего внутреннего смысла письма несомненны и это обстоятельство очевидным образом говорит в ее пользу. Исходя именно из этого, на данной стадии исследования я отдаю предпочтение такому пониманию указанного выражения, хотя нельзя не видеть, что есть обстоятельства, формально противоречащие ей, — во-первых, глагол $\kappa\alpha\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\chi\iota\upsilon\epsilon\iota\tau\iota$ за редким исключением все же является непереходным, и, во-вторых, форма $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ у Гесипия может рассматриваться не только в качестве ном. neutr., как приняли составители лучшего лексикона древнегреческого языка Г. Дж. Лиддел, Р. Скотт, Г. С. Джоунз и что позволило мне понимать $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ надписи как асс. pl. neutr. «стола», но и в качестве асс. masc. или fem. и это обстоятельство, если его принять, естественно, указывает, что $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ Гесипия может не иметь никакого отношения к $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ письма, т. е. под последним словом понимаются не «стола», а нечто другое. В пользу первого предположения может свидетельствовать то обстоятельство, что в Лексиконе, дошедшем до нас под именем Гесипия, существительные обычно даются в номинативной форме и реже — в косвенных падежах. В пользу второго мнения говорит тот факт, что слово $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$, как указывалось выше, в других петочниках относится только к мужскому или женскому роду ($\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ Ферекида Сирского может быть всех трех родов).

С другой стороны, имеется возможность иной интерпретации выражения $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha} \kappa\alpha\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma\epsilon\tau\alpha\iota$, снимающей указанные формальные трудности. Значение последнего слова здесь несомненно — «двигаться сверху вниз», что в нашем конкретном случае может подразумевать движение Гонца из Ольвии на Березань или из каких-то северных пределов в Ольвию. Слово $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ при любом варианте подразумевает наличие номинативной формы среднего рода $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$, но если мы отказываемся видеть в глоссе Гесипия форму среднего рода, она как исходная форма $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ письма оказывается $\eta\alpha\rho\alpha\varsigma \lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\eta\omicron\upsilon$, т. е. значение ее становится не вполне определенным, хотя общий смысл, надо думать, остался в сфере исходного $\tau\acute{o} \theta\upsilon\omicron\varsigma$ «жертва». Скорей всего, в таком случае при $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ письма следует подразумевать $\tau\acute{o} \dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}$ «жертвоприношение», т. е. стк. 13 можно перевести следующим образом: «а сам Гонец, зайдя ко мне, придет (дословно — спустится) на время жертвоприношений». (Синтаксически наиболее удобным является трактовка $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ как асс. temporis, то есть жертвоприношение как акт, протяженный во времени.) Если же под $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ подразумеваются жертвоприношения, появляется соблазнительная возможность понимать предыдущее $\kappa\alpha\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma\epsilon\tau\alpha\iota$ в качестве названия праздника, несмотря на отмеченные выше препятствия формального характера. Впрочем, никакой связи тут может и не быть.

К числу минусов такой интерпретации относится, во-первых, трактовка $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ как $\eta\alpha\rho\alpha\varsigma \lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\epsilon\eta\omicron\upsilon$ с вытекающей отсюда известной неопределенностью значения, и, во-вторых, возникающая неясность выражения $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma \delta\acute{\epsilon} \Gamma\omicron\upsilon\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$. Становится не вполне понятным, кто такой этот Гонец и почему он вдруг упоминается во втором периоде последней фразы письма. Это вряд ли один из братьев Протагора, поскольку в таком случае мы ожидали бы просто $\Gamma\omicron\upsilon\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ $\delta\acute{\epsilon}$, без $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$. Два последних слова, как мне представляется, определенно обязаны своим появлением при имени Гонец (т. е. «сам же Гонец») тому обстоятельству, что это лицо уже подразумевалось ранее,

⁸⁹ Н и д е р л е, ук. соч., стр. 33, прим. 2.

в первом периоде последней фразы, а именно — в качестве объекта при ἵεσθιν, т. е. Гонецв был послан Ахиллодором за своей женой и детьми. Был ли этот человек, как можно предположить отсюда, родственником Ахиллодора или его агентом, неясно, как и то, почему Ахиллодору понадобилось специально оповещать своего сына о прибытии Гонецва.

Таким образом, оба варианта имеют свои сильные и слабые стороны. Поскольку вариант с доставкой столов является логически более взаимосвязанным с общим содержанием письма, на данной ступени работы он представляется мне более вероятным. Думается, что дальнейшие исследования прольют дополнительный свет на этот сложный вопрос.

Проведенный в этом разделе анализ надписи предполагает следующее чтение и перевод ее текста:

ΠΩ Πρωταγόρῃ, ὁ πατήρ τοι ἐπιστέλλει ἀδικοῦται
 ὑπὸ Μάταστος, δοῦναι γάρ μιν καὶ τὸ
 φορτηγείῳ ἰπαστέρεσσιν. ἐλθὼν παρ' Ἀναξαγόρῃν —
 ἀπὸ γῆρας, φησὶ γὰρ αὐτὸν Ἀναξαγόρειον
 5 δόλον εἶναι, μυθεύμενος τῇμ' Ἀνα(ξ)αγόρῃ ἐχθρὸν,
 καὶ δόλῳ καὶ δόλῳ κοίτιαν. ὁ δὲ ἀναβῶν τε
 καὶ οὗ φησιν εἶναι οὐδὲν ἐωυτῶν τε καὶ Μάταστος(υ)ν(ς),
 καὶ φησιν εἶναι ἐλεύθερος, καὶ οὐδὲν εἶναι ἐωυτ(ῶ)ν,
 καὶ Μάτα(κ)τος(υ) δὲ τί αὐτῶν τε κίναξαγόρῃ⁹⁰ αὐτοῖς
 10 οἶδαν κατὰ σφῆς αὐτῶν. ταῦτ' Ἀναξαγόρῃ λέγειν
 καὶ τῇ γυναίκεϊ. ἑτέρα δὲ τοι ἐπιστέλλει τῇμ' μητέρα
 καὶ τῶς ἀδελφῆς⁹¹ ἵεσθιν ἐν Ἀρβινατησιν ἄγῃν ἐς τῇμ πόλιν,
 αὐτὸς δὲ Γόνεβος⁹² ἐλθὼν παρὰ μιν θυορὰ καταβήσεται.
Tergo. Ἀχιλλοδώρῳ τὸ μολί-
 βδιον παρὰ τὸν παῖδα
 κίναξαγόρῃν.

«Протагор, отец сообщает тебе, что он подвергается обидам со стороны Матасия, ибо тот обманывает его и лишил фортегесия. Придя к Анаксагору, расскажи, что (Матасий) утверждает, что тот (фортегесий) — раб Анаксагора, заявляя: «Моим (Матасия) имуществом владеет Анаксагор — и рабами, и рабынями, и домами». Тот же (фортегесий) кричит и не только говорит, что он не имеет никакого отношения к Матасию, но утверждает, что он является свободным и что он не имеет никакого отношения (к тому имуществу), а что общего есть у самого Матасия и Анаксагора⁹³, они знают сами по себе. Расскажи это Анаксагору и его жене. И другое он сообщает тебе: он (отец) посылает в Арбинаты, чтобы доставить мать и братьев в город; сам же Гонецв, зайдя ко мне, свезет столы»⁹⁴.

Оборот.

«(Письмо) Ахиллодора на свинцовом свитке⁹⁵ к сыну и Анаксагору».

В. П. Яценко

⁹⁰ Scilicet ἐστίν.

⁹¹ Вариант: ἀδελ(λ)φῆς.

⁹² Вариант: Εὐνορος.

⁹³ Т. е. какое именно имущество перешло от Матасия к Анаксагору.

⁹⁴ Вариант: «а сам Гонецв, зайдя ко мне, придет (дословно — спустится) на время жертвоприношений».

⁹⁵ Слово μολίβδιον — ларах египетон, однако его значение достаточно определено: им обозначен свинцовый свиток, на котором написано письмо. Вместе с тем можно полагать, что это слово имело и более узкий смысл — «письмо на свинцовой пластинке», в чем можно усматривать перенос с общего значения на частное ввиду того, что свинцовые пластинки служили материалом для эпистографии.

THE BEREZAN LETTER OF ACHILLODOROS: DATE AND TEXT

by V. P. Yailenko

The author discusses the inscription as published by Yu. G. Vinogradov in *VDI* 1971, 4, pp. 74—99. In his opinion Vinogradov's dating of the letter, his reading of its text and interpretation of its contents all need revision. In order to determine the date a whole complex of data must be considered: the archaeological context, the script and the graphic and dialectic peculiarities of the document. The date proposed by Vinogradov, the second half of the VI century B. C., seems a little too early. Since the archaeological context is not clear, the only secure basis for dating the letter is the character of the script. Comparison of its letter forms with those on a large number of dedications from the Olbian temple of Apollo Delphinios, which can be dated by ceramic criteria in the end of the VI and beginning of the V century, reveals a perfect correspondence. A similar date is indicated by the presence in the letter of both *boustrophedon* and *stoichedon* elements. Close analogies to the script of the Achillodoros letter are found also in other North Black Sea *grafitti* of the same period. In respect to phonetic and morphological characteristics, dating criteria may be seen in the appearance of several of these characteristics in documents written in the Ionic dialect, none of which are earlier than the first half of the V century. Consideration of all these factors leads the author to propose *ca.* 500 as the date of the letter.

The author finds fault with several corrections¹ introduced by Vinogradov into the text of the letter. In the author's opinion the correction $\tau\acute{\iota} \delta\epsilon$ for $\delta\epsilon \tau\acute{\iota}$ was made necessary by an incorrect syntactical periodisation of the clauses in lines 8—9. The original text needs no correcting; what needs correcting is Vinogradov's punctuation. Further, the author suggests the possibility that the original reading $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\phi\epsilon\upsilon\varsigma$ in line 12 is to be explained as an elision of the lambda. The words $\epsilon\iota\ \nu\ \rho\alpha\rho\beta\iota\lambda\alpha\tau\eta\tau\eta\varsigma\iota\upsilon$ in the same line are taken by the author to refer to one of the places in the Olbian *chora* which were settled from the mother city. The word $\iota\epsilon\sigma\sigma\iota\upsilon$ is understood as parallel to $\iota\eta\sigma\iota(\nu)$ representing a contaminated Ionic-Attic form of the third person singular of the present tense. The author treats $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}$ as neuter accusative plural of $\theta\upsilon\omega\rho\acute{\alpha}\nu$ «table for sacrificial offerings» (Hesych.) and $\lambda\alpha\tau\alpha\beta\alpha\iota\upsilon\sigma\iota\upsilon$ as transitive in meaning: «carry down from above», i. e. from Olbia to Berezan; the transitive use of the verb here can be put down to the informal language of the letter. On page 151 the author presents his reading of the whole text, which is followed by a translation: «Protagores, your father informs you that he is being wronged by Matasys, for Matasys is deceiving him and has deprived him of the *phortegesios*. Go to Anaxagores and tell him that (Matasys) declares that he (the *phortegesios*) is the slave of Anaxagores, in these words: 'Anaxagores has possession of my (Matasys's) property — my slaves, male and female, and my houses', while he (the *phortegesios*) cries out and not only says that he has no relation to Matasys, but declares that he is free and that he has no relation to (that property), and that what passed between Matasys and Anaxagores (i. e. what property passed from Matasys to Anaxagores) they know themselves. Tell this to Anaxagores and his wife. And of this too he informs you: he (the father) is sending to Arbinatai to have the mother and brothers brought to the city; Goneuros himself will come to me and then take the tables down».

In a separate article the author will present his interpretation of the letter's contents.

ЕЩЕ РАЗ О ЯЗАМАТАХ

Античные авторы проявили достаточно интереса к племени, вошедшему в науку под именем язаматов (иксибатов). Не обделили его вниманием и современные исследователи. Большинство считает язаматов одним из сарматских племен, населявших степи между низовьями Дона и восточным побережьем Азовского моря¹. Известна в литературе точка зрения, согласно которой язаматы — это меоты². До недавнего времени обе версии не получали развернутой аргументации. Первая базировалась в основном на данных о воинственности язаматских женщин, сопоставлявшейся с савроматской гинекократией, и на предполагаемом единстве этнонимов «язаматы» и «языги». Вторая полностью основывалась на том факте, что язаматы по крайней мере в двух источниках названы якобы меотами. В 1971 г. специальную статью язаматам посвятил И. С. Каменецкий³. Решительно выступив в защиту их меотской принадлежности, он предложил и собственное решение вопроса локализации язаматов, усматривая в сообщениях античных авторов сведения о двукратном переселении этого племени (от побережья Черного моря к побережью Азовского, недалеко от Кубани, и оттуда к устью Дона).

Интерпретация этнической принадлежности, местахождения и исторических судеб язаматов весьма важна в плане изучения древней истории населения Северо-Западного Кавказа. И коль скоро вопросы эти дискуссионны, назрела необходимость строгого и по возможности исчерпывающего (во всяком случае не выборочного) анализа тех сведений, которые и порождают сегодня разногласия.

Начну с локализации язаматов. Сразу подчеркну, что пребывание язаматов в степях, примыкающих с юга к нижнему течению Дона, для первых веков н.э. общепризнанно. Оно обосновывается свидетельствами Помпония Мелы⁴ и Птолемея⁵. Иное дело предшествующая локализация, которая во многом и предопределяет ныне столкновение мнений.

Самое раннее упоминание о язаматах принадлежит Гекатею, писавшему свой труд в 520—500 гг. до н.э.⁶ Сочинение Гекатея дошло во фрагментах, и интересующее нас сообщение («Иксибаты — народ у Понта, соседний с Синдикой») ⁷ лишено контекста, что, несомненно, затрудняет его правильную оценку. Авторитетность Гекатея, его относительная информированность о положении дел на Кавказском побережье Понта и азиатском Боспоре не подлежат сомнению⁸. И. С. Каменецкий с полным доверием относится к этому автору, предлагая свою интерпретацию «иксибатского фрагмента»: «Местоположение Синдикки хорошо нам известно. Язаматов по Гекатею

¹ См., например, K. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde*, Bd. III, B., 1892, стр. 32—39; E. M i n s, *Scythians and Greeks*, Cambr., 1913, стр. 120; В. Ф. Га й д у к е в и ч, *Боспорское царство*, М.—Л., 1949, стр. 60; K. S m i r n o v, *Repartition des tribus Sarmates en Europe orientale*, «VIe Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques», Moscou, 1962, стр. 3; В. Б. В и н о г р а д о в, *Сарматы Северо-Восточного Кавказа*, Грозный, 1963, стр. 144—145.

² См., например, В. П. Ш и л о в, *О расселении меотских племен*, СА, XIV, 1950, стр. 102; В. А. У с т и н о в а, *К вопросу о присоединении Синдикки к Боспорскому государству*, ВДИ, 1966, № 4, стр. 130—134; Б. Н. Г р а к о в, *Скифы*, М., 1971, стр. 110.

³ См. И. С. К а м е н е ц к и й, *О язаматах*, «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 165—170.

⁴ M e l a, I, 19, 114.

⁵ P t o l., *Geogr.* V, 8, 16; V, 8, 17—25.

⁶ См. E. H. B u n b u r y, *A History of Ancient Geography*, V, I, N. Y., 1959, стр. 134, 135.

⁷ H e c., *Period. fr.* 166.

⁸ См. Л. А. Е л ь н и ц к и й, *Знания древних о северных странах*, М., 1961, стр. 57, 58; М. П. И н а д з е, *Причерноморские города древней Колхиды*, Тбилиси, 1968, стр. 41—43.